

Колдовские Мирь

Империя Тигвердов

НЕВЕСТА ДЛЯ БАСТАРДА

ТЕРЕЗА ТУР

Annotation

Никогда не знаешь, что больше пригодится в жизни – высшее образование или умение печь блины. Никогда не знаешь, что больше пригодится твоему сыну. Английский или фехтование, которым он занялся из-за аварии. Никогда не знаешь, где найдешь свое счастье. И где потеряешь – тоже не знаешь. Меня зовут Вероника Лиззард. Фамилия вымышленная, признаюсь в этом честно, потому что врать в империи Тигвердов бесполезно. Особенно милорду Верду, Имперскому палачу и бастарду императора. Он сильный маг и чувствует ложь. И только однажды он ошибется и потеряет свое счастье. Но это будет не скоро. А пока нам еще только предстоит встретиться, взломав грань миров. И, пересилив привычное одиночество, полюбить друг друга.

Тур Тереза

Империя Тигвердов. Невеста для бастарда

– Уважаемые, мне как-то странно озадачиваться вопросами дисциплины. Вы, похоже, не до конца осознали, куда поступили! Это Академия МВД, если кто еще не понял. Вы поступили, чтобы учиться – вот и учитесь!

Моя мама называла подобный тон голоса «специальным, учительским» и кривилась, если слышала его в моем исполнении. А что – получалось весьма и весьма мерзко, кто ж спорит. Все во имя педагогического процесса!

Первая лекция по истории России, которую я преподавала в нашем замечательном вузе, проходила классически – первый курс традиционно пытался кому-то что-то доказать, а преподаватели, в том числе и я, их традиционно строили. Как говаривал мой научный руководитель в Большом Университете, который я заканчивала:

– Аспирант – это зародыш специалиста, а вы, студенты первого курса... Я даже боюсь предположить, кто вы относительно разумности.

Но мы в свое время хотя бы добровольно признавали свое несовершенство. А эти красотки и красавицы. Личности... Мало знаем, практически ничего не умеем... А гонору...

Вообще, никто особо не любит брать первый курс... Как выражается мой папенька: «И тут каждый суслик начинает из себя агронома корчить». Так что строить студизов приходится жестоко, чтобы потом не отчислять. Хотя некоторые экземпляры попадаются на редкость непонятливые и, кстати, искренне считающие, что им кто-то что-то должен. Казалось бы, должны понимать, куда поступили. Название вуза – Академия Министерства внутренних дел – говорит само за себя. Не... Не говорит.

Вот на мою лекцию по истории родной страны девушка-красавица явилась с флаконом лака для ногтей. Ну, еще бы – когда же ей их красить. На мое возмущение мне высокомерно ответствовали, что она же меня слушает...

Это она зря. Преподаватель – он ведь тоже человек. Злонравный и злопамятный. Когда его вынуждают, он старательно и умеючи выносит мозг студентам... Вот и у меня кандидатка на отчисление появилась...

Первое сентября, однако...

И так сколько лет подряд? Двенадцать уже... Ох, люблю я свою работу. Ладно, вдохнули и поехали дальше сеять разумное, доброе, вечное...

Откуда там есть пошла земля русская?..

В этом году у меня все так же, все те же, все то же. Первый курс нескольких факультетов. У будущих теперь уже полицейских, следователей и экспертов традиционно много русской истории. У меня, соответственно, часов. И мои любимые заочники – уже трудящиеся на ниве правопорядка товарищи, которым резко понадобилось высшее образование. У них сейчас установочная сессия – у меня по пять пар в день на этой неделе. И все лекционные.

Домой я ехала, ощущая себя тем самым бессмертным пони, образ которого так любят тиражировать в Интернете. Поэтому машину вела аккуратно. Наверное, излишне. Все знакомые мужского пола меня критикуют за стиль вождения – трогаюсь не резко, стараюсь всех пропустить.

Перед самым поворотом на родную улицу у меня из-за спины выскочил черный грязный «УАЗ Патриот». Резко взвизгнули тормоза, водитель вывернул руль – и поставил машину

перед моей.

Я даже тронуться не успела.

Сердце клокотало где-то в области горла, руки потряхивало.

Заглушила мотор, достала ключи из замка зажигания, вытащила телефон – если что, позвоню знакомым дэпээсникам.

В окно моего небольшого и уютного «пыжика» постучали.

– Денис Юрьевич! – разозлилась я. – Что за шутки?!

И я выскочила навстречу своему старому-старому знакомому. Давно это было. Первые заочники в первый год работы. И я, искренне считающая, что важнее хороших знаний по истории родной страны быть ничего попросту не может. А еще у меня есть одна отличительная черта: если я волнуюсь, или переживаю, или просто чувствую себя дискомфортно, то поток слов из меня идет... нескончаемый и частично неосознанный... На той приснопамятной лекции чувствовала я себя, понятно, не очень уверенно. А что? Несколько групп – человек девяносто – взрослых дяденек и тетенок, смотревших на мои словесные экзерсисы широко открытыми глазами, в которых читалась тоска и раздражение. От этого я начала злиться и под конец лекции вспомнила, что не проверила присутствующих и отсутствующих. Подняла старосту, выяснила, что в аудитории нет трех студентов, и впала в окончательную патетику.

– Как можно! – возопила я. – У вас первая лекция!!! Я не могу понять, что может помешать прийти на лекцию, если уж вы решили учиться?! Я требую серьезного отношения к учебе. И передайте, пожалуйста, тем, кого сегодня не было, что зачета по своему предмету я им не поставлю! Ни при каких условиях!!!

На этом я удалилась к первокурсникам.

Посредине лекции раздался осторожный стук. Я распахнула дверь.

– Вероника Евгеньевна... Там... к вам, – со странными интонациями проговорила наша лаборантка и припустила по коридору прочь.

Я вышла, огляделась и обомлела. В нашем достаточно узком и неярко освещенном коридоре обнаружили люди размером с мой двустворчатый шкаф. В количестве трех штук. С автоматами, в бронежилетах. С черными закрученными шапочками на макушке. Несколько долгих-долгих секунд я смотрела на них в священном ужасе. И вдруг поняла, что они смотрят на меня с теми же чувствами. Потом один из них решился и шагнул вперед. Я с трудом удержалась от визга.

– Вероника Евгеньевна! Что нам делать с зачетом? – очень жалобно протянул самый смелый.

– А?! – на редкость умно получилось у меня.

– Нам староста позвонила. Сказала, что нам зачета не видать. Мы к командиру подходили еще утром – а у нас охранение... И мы ему говорим: у нас история. А он нам и отвечает...

– Денис, заткнись... – вмешался еще один шкаф.

– Нет, мы вам не скажем, что он говорил про вашу историю... А потом староста позвонила – и мы к нему опять пошли. И он говорит...

– Денис, – снова остановил оратора сослуживец.

– Да понял я, понял, – отмахнулся от него тот, кто говорил. – Мы все-таки отпросились – и к вам!

– Это хорошо, что ко мне... – Я по-прежнему была в прострации, но, кажется, поняла –

своим настроением я напугала сотрудников доблестных правоохранительных органов так же, как они меня своим явлением с автоматами...

– А вот что нам теперь с зачетом делать?

Эта история отучила меня говорить слово «никогда». И фразу: «Ни при каких обстоятельствах». Эти самые обстоятельства, как я уяснила с тех пор для себя, бывают очень и очень разные.

И вот сейчас один из этих бывших заочников внимательно и печально смотрел на меня.

– Ника... Вот ты... Ты во что вляпалась? – спросил у меня командир РУБОПа. Непривычно серьезно. Таким он был только на той самой встрече в коридоре нашего учебного заведения. Потом – сколько себя помню – он все время улыбался, когда видел меня.

Он стоял передо мной – рослый, сильный. Черноглазый, темноволосый, с резкими чертами лица, классически-перебитым носом боксера и... замечательным компанейским характером. С особой нежностью очень сильного человека ко всем, кого он считал «своими».

Я посмотрела на него внимательно и недовольно поджала губы. Как-то я не привыкла, чтобы мои студенты, пусть даже и бывшие, пусть и нынче занимающие такой пост, называли меня на «ты» и по имени.

– Хмуришься?

– Злюсь, Денис Юрьевич. Вы же знаете, как я аварий боюсь. И знаете – почему. Так весь этот цирк – зачем?

– До меня дошли слухи. Нехорошие такие слухи. Очень авторитетные люди – нашим они точно не по зубам – разыскивают женщину, у которой внезапно появился мальчик лет четырнадцати. Мальчик светловолосый, сероглазый. Ведет себя очень по-взрослому, из-за этого кажется старше своего возраста. И, самое главное, примета есть – небольшой шрамик над верхней губой. Слева.

Я молчала, судорожно соображая, что же мне делать дальше.

– Мальчишку и всех, кого обнаружат рядом, приказано убрать. Да так, чтобы никаких следов... Ничего мне не расскажешь?

Отрицательно покачала головой.

– Угу. И почему похожего ребенка я видел в твоей квартире рядом с твоим сыном, тоже промолчишь? И почему просила меня документы на этого ребенка сваять, тоже объяснить не будешь? Кстати, твой сын тоже светловолосый. Не боишься, что их попутают?

– Вы засветили свой интерес?

– Нет. Я забегался – и не успел в ЗАГС съездить.

– Спасибо, – выдохнула я с облегчением.

– Ника. Давай я договорюсь со своими – тебя с сыном отвезут куда-нибудь подальше...

– А Рэм?

– Кто?

– Второй мальчик? Которого разыскивают.

– Боюсь, что ни ты, ни я, ни кто-то еще... Его все равно найдут. И... – Он замер.

– Спасибо. Я поеду, пожалуй.

– Ты понимаешь, я сделать ничего не смогу. Если наших привлечь – еще быстрее найдут. Кто-нибудь сдаст. И к отцу твоему нельзя по тем же самым соображениям. Сольют информацию о тебе.

– Я понимаю. Спасибо, что предупредил.

– Ты не передумашь? – обреченно проговорил он.

– Нет. Не могу.

– Тогда... Никому ничего не говори. Не укрывайся у тех, кого хоть как-то можно связать с тобой или с мальчиками. Машину поменять тебе надо. С этим я, пожалуй, помогу. Давай ключи от своей. Отгоню куда-нибудь подальше. В лес.

– Что с родителями делать? Их тоже надо предупредить.

– Я постараюсь. Только очень и очень потом. Когда будет безопасно. Теперь слушай. Выйдете из дома, сядете на маршрутку, которая едет по Таллинскому шоссе до Горелово. Там я оставлю серую старенькую «Ауди-80». Документы будут в бардачке. Возьми ключи.

Он назвал улицу, номера машины.

– Ты все-таки решил помочь, – посмотрела я на бывшего студента. Ничем мне, в принципе, не обязанного. Отношений между нами тоже особых не было. Приятельствовали – не больше...

– Я не люблю хоронить хороших людей. Если бы ты знала, Ника, как я ненавижу кладбища... Только жаль, что сделать больше не могу...

– Ты и так сделал много.

– Только поезжайте туда, где вас никогда не было. Телефоны – свой и детские – дома оставь. Ноутбук. Карты банковские тоже. Деньги... Только наличка. Вот – держи. Немного. Что есть. С Богом...

Он обнял меня, забрал ключи. Выдал мою сумку с переднего сиденья. Сел за руль моего «пыжика», поерзал, отодвигая кресло.

– Жуть какая! Как ты тут помещаешься? – сказал он в открытое окно.

Сдал назад.

– Кто же тебе этот мальчик? – задал он вопрос, понимая, что я не отвечу, и уехал.

Его огромный «УАЗ» так и остался на перекрестке, особо не прижатый к обочине.

Я покачала головой и отправилась домой через банк. Надо было снять всю наличку.

– Ваше сиятельство, – сказала я, как только открыла дверь дома, – вас, похоже, обнаружили. Как будем скрываться? Нам надо такое место, которое никак нельзя было бы связать с вами или со мной...

Ночь. Глухая, черная осенняя ночь. Дорога, которая из-за темени кажется жутковатой. Нервный, дергающийся свет фар встречных машин. И дикое нервное напряжение. Ощущаю себя дичью, которую загоняют охотники. И ладно бы была одна... Но на заднем сиденье сопят мальчики – заснули. Один мой. Другой – тоже, наверное, теперь мой. По крайней мере, я не смогла отдать его тем, кто за ним охотится. Как его мать не смогла в свое время пройти мимо покоренной машины, в которой умирал маленький ребенок. Мой ребенок.

Мелкий, мерно морозящий дождь упрямо и как-то жалобно просился внутрь машины. Дворники работали с трудом и скрипом. Я внимательно смотрела на дорогу, старалась ни о чем не думать, но мысли все равно текли, унося в воспоминания...

Виктор всегда любил скорость, адреналин и риск. Поэтому и машину мой бывший муж всегда водил так, словно речь шла о выигрыше в «Формуле-1». Молодой, красивый, спортивный, с насмешливым прищуром синих глаз. Из очень обеспеченной семьи. Насмешливое фырканье в моем исполнении в день нашего знакомства он воспринял как вызов. А вызов ему кидать не смели. Никто. Осада была недолгой. Я по прошествии лет отмечаю это со стыдом. Романтика, чтоб ее... Кипящая страсть. Дурь молодости.

Получилось все закономерно – крайне беременная невеста в девятнадцать лет. Поджатые губы моих родителей. Вся семья Виктора, включая его самого, практически в транс – они познакомились с моим папенькой. А он в гневе... Это не то, что я бы рекомендовала для долгой и счастливой жизни. Полковник ФСБ на генеральской должности... Он объявил торжественно: свадьбе быть. Внука ему рожать. Так все и получилось. Моя мама – честь ей и хвала – бросила все дела, но в университете я практически ни дня не пропустила. Кстати, рожать меня увозили с родного исторического факультета. Сразу после сдачи последнего экзамена летней сессии...

А когда Павлику было почти два года, мы попали в аварию. Виктор вел «бэуху» в своей обычной манере.

– Кольцевая – это для того, чтобы погонять! – говорил муж как раз в тот момент, когда мы вынеслись со стороны города и встраивались в поток машин. – Скорость – классная, двести. Смотри, как офигенски получилось, зад чуть закинуло. А ты чего плетешься!!!! Нет, смотри, выпрутся на Кольцевую и плетутся!

Он чуть сильнее, чем было необходимо, выкрутил руль, пошел на обгон – и мы цепанули тот самый автомобильчик, водитель которого взбесил моего мужа.

Я кричала, сын хрипел, железки и пластмасски сминались. Скрежет. Визг шин. Машина словно попала в водоворот, собрав на себя все проезжающие автомобили...

Когда все закончилось, я не могла пошевелиться. Голова была расплющена о подушку безопасности, из носа шла кровь. Ног и позвоночника, по ощущениям, не было вовсе. Только боль. И самое страшное, я уже не слышала дыхания сына.

– Помогите... Пожалуйста... – Я не могла кричать. Я могла едва слышно хрипеть. – Во имя всего святого, помогите...

Впервые за последние двенадцать лет я не испытывала паники, снова и снова вспоминая то, что произошло дальше... Наконец-то я могла с уверенностью сказать сама себе: «Нет, Ника, тебе не померещилось, ты не была в обмороке, все, что ты вспоминаешь сейчас, было на самом деле!» Легче не стало, наоборот, проблем прибавилось, и все-таки

осознавать, что с тобой все в порядке, – ни с чем не сравнимое удовольствие! До сего момента эти воспоминания мучили и терзали... Смутными сомнениями...

Дверь машины вырвали, словно она была из бумаги. До сих пор в мельчайших подробностях помню длинные, легкие, будто прозрачные пальцы, тяжелые кольца, узкий рукав, закрывающий руку до костяшек... Помню, как сверкнуло золото вышивки, отражаясь в темно-карих глазах. Огромных, внимательных и... очень грустных. Золотые искорки, правильные черты лица, волны мягких каштановых волос, тонкая талия, перехваченная широким поясом со странным, но очень красивым узором, который почему-то отделился от хрупкой фигуры и поплыл на меня... Все это медленно исчезало из сознания...

– Сын... – все же шевельнулись мои губы, – сын...

– Надо же. Тоже мальчик. Сколько ему? – доброжелательно поинтересовалась незнакомка, словно мы встретились не в покоренной машине, а на какой-нибудь встрече новоиспеченных мамаш.

– Два. Скоро будет...

– Будет, – кивнула женщина. – Обязательно будет. Как и моему.

Я не видела, что она делает, слышала только мелодичное пришептывание на непонятном языке.

Потом заплакал Паша – горько и обиженно. Перепугано. Но сильно.

– Так, – тяжело дыша, проговорила женщина. – Все. Времени доработать до конца нет, но ничего. Шпагу в руки возьмет – и все разработается. Теперь вы. А то покалеченной маме без ног тяжело будет за таким сильным мальчиком бегать...

На мой лоб опускается теплая ладонь. Раздается мелодия непонятных слов – только более громкая, требовательная. Боль отпускает.

– Вот так-то лучше, – тихо говорит женщина. Внимательно, с каким-то печальным любопытством долго смотрит на меня. – Зачем вам такой мужчина?

И она брезгливо кивает на потерявшего сознание Виктора.

– У него только лоб разбит – и все. Он, в отличие от вас с сыном, остался бы жив. И даже не покалечился особо. Зачем рядом мужчина, который не защищает свою семью ценой собственной жизни? Оставь его. И шпагу дай сыну с первых шагов – разрабатывайте кисть. Не могу я задерживаться... Пора.

И она исчезла.

В тот же день, как только нас отпустили из больницы, а сотрудники ДПС и МЧС все никак не могли поверить, что мы с сыном не пострадали, я собрала вещи. Пренебрегла объяснениями, упреками свекрови – как же, ее мальчик под следствием, а я бегу – и ушла.

Виктор особо не расстроился.

– Любви между нами особой не было, – пожал он плечами. – По залету – это и есть по залету... Да и скучная ты. Драйва с тобой рядом никакого. Ботан.

Я смотрела на него и не понимала себя. Чем я думала? Где были мои глаза? Рядом со мной был мальчишка, который не умел ценить жизнь – ни свою, ни чужую. Ни даже жизнь своего сына.

Отец помог отделаться моему экс-супругу условным сроком – мне досталась квартира. Преподавать в Академии МВД я стала, будучи еще аспиранткой, потом защитила кандидатскую диссертацию. В восемь лет отвела Пашку на фехтование. Брали мальчишек постарше, но я уговорила. И через несколько лет сын выиграл первенство города, потом стал третьим в своей категории на России и попал в первую десятку олимпийского резерва. И

понеслось... Соревнования, тренировки, репетиторы почти по всем предметам, чтобы не отставать в школе. Спасибо родителям – и моим, и Виктора: лагеря, мастер-классы и очень дорогую экипировку они брали на себя. Объяснять никому ничего, слава богу, мне ни разу не пришлось. Паша так был увлечен этим видом спорта, что все были уверены – заниматься фехтованием захотел он сам.

Я редко приходила на соревнования. Почему-то мне это причиняло боль... Каждый раз, когда наблюдала за тем, как легко, грациозно, на самом деле молниеносно сын делал выпад и неестественно выворачивал кисть... Почему-то лично для меня это выглядело как в замедленной съемке. Я снова слышала голос... Видела тонкие руки. Золотые искорки в темно-карих глазах. На меня снова плыл замысловатый узор, отделившись от тонкой талии. Снова охватывал ужас, холодели ладони и болела голова.

А через двенадцать лет после аварии ко мне в дверь постучалась измученная и раненая женщина. Это была она. Та, что спасла сына и меня на Кольцевой. Только на этот раз она была в черном брючном костюме. Волосы стянуты в хвост, миндалевидные глаза чуть подведены. Но почему-то именно этот современный вид показался мне маскировкой. Это была она, но ощущение, что именно тогда, много лет назад, я видела ее такой, какой она и должна быть, не проходило. Рядом с ней стоял бледный мальчик – Пашкин ровесник. И, когда странная гостья попросила помочь выжить ее сыну, как она помогла тогда моему, я помчалась на кухню за перекисью и бинтами, а когда вернулась – ее уже не было. Не обращая внимания на двух мальчишек, настороженно косящихся друг на друга, не обращая внимания на Пашку, который кричал про проход с радужной оболочкой, в котором исчезла незнакомка, – я села на пол и заплакала. Вся тяжесть этих лет вдруг отпустила сразу. При этом вопросов стало больше, чем ответов... Нет, я не сумасшедшая – эта женщина действительно была там, во время аварии. И да – я сумасшедшая, – потому что в моем коридоре появилась и исчезла женщина... А потом заговорил этот странный мальчик. Тихо, медленно и очень серьезно.

И вот я скрываюсь с двумя четырнадцатилетними мальчишками...

Сначала мы попетляли вдоль Кольцевой, выехать на нее у меня не хватало духа – проскочили Волхонским шоссе до Пулковского, там постояли в пробке до Гатчины. Потом неслись прочь, прочь от города по Киевскому шоссе. Доехали до неприметного поворота на Москву. Еще в городе мне пришло на ум странное название – Яжелбицы. Вот уж где я никогда не была... Там я решила свернуть с трассы.

Небо начинало сереть, когда я увидела указатель на нужный поворот. Дорога была такая, что казалось – по ней только что отработала эскадрилья тяжелых бомбардировщиков. Мы проехали через уже проснувшуюся деревеньку, постояли, пропуская стадо коров. Еще километров двадцать. Рассвет. И у меня резко стали слипаться глаза, машину повело. Я прижалась к обочине, вышла, ежась от холода. Где-то в машине был термос с кофе, который я сварила еще в Питере. Надо было бы достать. Но на заднем сиденье спали мальчишки – будить их было жалко.

Я огляделась – на пригорке виднелось несколько покосившихся домиков. Дымков над ними не было, мне стало интересно – что это такое. Я прошла по дороге немного вперед. И обнаружила замызганный указатель, на котором было написано «Большие Язвищи». Стрелка указывала на те самые домики, которые и привлекли мое внимание. Хмыкнула, мне здесь уже нравилось.

– Мама! – раздался от машины крик Паши.

– Что? – закричала я в ответ – и быстрым шагом направилась обратно. – Что-то случилось?

– Ты чего так пугаешь! – возмутился сын. – Мы проснулись – тебя нет!

– Доброе утро, – улыбнулась я всклокоченным, заспанным мальчишкам.

– Доброе! – улыбнулся мне в ответ Рэм.

Паша лишь недовольно зыркнул.

– Я увидела неподалеку несколько домиков, по виду заброшенных. Жаль, что нельзя узнать точно, есть там кто-то или нет.

– Почему же нельзя? – отозвался Рэм. – Можно.

Он замолчал. Глаза его замерли, рассматривая что-то нам неведомое.

– Там нет людей, – наконец сказал он.

– Как ты это сделал? – изумился мой сын.

– Ничего сложного, – отмахнулся Рэм. – Я хорошо чувствую живых.

– Как-то странно звучит, ты не находишь? – уставился на него Паша.

– Может, все это обсудим попозже? Я бы упала где-нибудь, – выступила я с предложением. – Часиков на несколько.

– Ладно. Поехали посмотрим! – предложил Паша. – Все равно надо место искать, отдохнуть. А в идеале и на ночь задержаться.

– Да, – согласилась я. – Было бы неплохо. Это не гостиница, тут документов не спросят.

Мы тронулись. Съехали с асфальта на грунтовку. Проехали километра три – оказывается, домики были достаточно далеко от дороги. Добрались до этих самых Больших Язвищ. Сначала мимо нас потянулись поникшие, покосившиеся деревянные дома, серыми тенями притаившиеся на пригорке. Деревня была пуста. Потом мы спустились в низинку. Там стоял одинокий домик, которого как раз не было видно с дороги.

Паша рассмеялся, сказал, что мы – как Дядя Федор, пес и кот. Только коровы не хватает...

Тут мы и вышли. Мне мальчишки достали спальник. Я зашла в дом – и как стояла, так и рухнула. Проспала целый день. Когда проснулась, то обнаружила, что мальчишки вполне себе обжились.

Они натаскали воды – нашли старое ведро в сарае и колодец посреди деревни. Собрали все, чем можно было протопить печь. Открыли консервы, заварили кипятком макароны.

Когда я открыла глаза, то поняла, что в домике тепло. Но темновато. Ребята прошлись по заброшенной деревне. В дома особо не лезли, но в сараях обнаружили много чего интересного. В частности, свечи, которые сейчас и горели в комнатке, которую мы заняли.

Мне выдали миску с едой и кружку с чаем. И как только я поела, то тут же угодила на военный совет, который устроили мальчишки.

– Мам, – высказывался Павел. – Я тебя все равно не понимаю. Если Рэму грозит опасность – надо ехать к дедушке. Он поможет.

– Меня предупредили, что это бессмысленно, – тяжело вздохнула я.

– Но бежать, бросив все... Это тоже как-то неправильно, – пожал плечами сын.

– Я думаю, вам стоит оставить меня здесь, а самим возвращаться, – вмешался Рэм. – Пусть вас укроют. А меня надо предоставить моей судьбе.

Я внимательно посмотрела на него. По возрасту ему было столько же, сколько и Паше. Но по ощущениям он был намного его старше. Взрослее. И печальнее.

Сын вопросительно смотрел на меня. Он склонялся к мысли согласиться с Рэмом. Тем

более тот сам предложил... Я разумом и отчаянно бьющимся внутри инстинктом самосохранения понимала, что поступить подло – это выход. Это способ выжить. Не метаться по неизвестности самой. Не рисковать Пашей.

Но отчего-то я не могла. Может, потому, что помнила хрип и затухающее дыхание своего ребенка в той проклятой аварии. А потом его крик – крик заново родившегося человека.

– Нет. Мы никого нигде не оставим. Мы будем действовать по тому плану, который придумали в Питере.

– Тогда ознакомьте меня с ним, – пробурчал мой ребенок. – А то вы меня, как маленького, разводите. Сорвали с тренировки... а ведь ты, мама, знаешь, как для меня важен сейчас каждый день! У меня отбор в молодежную сборную на носу. А я тут с вами в какой-то дыре!

– Паш, выхода не было, – ответила я сыну.

– Это я уже понял. Но тогда уж рассказывайте все как есть, – приказал мой ребенок. – А то, мамочка, твои сказки о том, что это сын подруги, которая попала в больницу, а ее ребенку жить негде... Это просто унижительно...

Теперь мы переглянулись с Рэмом.

– Прошу прощения за обман, – сказал юный герцог, глядя на Пашку. – Моя мать обратилась за помощью к вашей только потому, что нам больше не к кому было идти. Я сожалею, что это подвергло ваши жизни опасности.

– И кто ты такой? Или надо обращаться на «вы»?

– Я – Геральд Аден Моэ, герцог Рэйм. Моя мать – правящая герцогиня Рэймская. Я ее единственный наследник. Несколько недель назад случилась попытка государственного переворота. Мой отец, консорт, погиб, но дал нам с матерью возможность покинуть дворец.

– Очешуеть, – выдохнул мой сын.

Интересно... Недовольно на него посмотрела не только я, но и Рэм.

– Да ладно вам, – пробурчал Паша.

– А если все же обратиться за помощью? – спросила я.

– Я не знаю, кому можно доверять. К тому же у меня приказ матери: скрываться. Она взяла на себя расследование – выясняет, кто пытался нас уничтожить. Кроме того, ей надо взять герцогство под свою руку. Как ни обидно звучит, у нее одной – если она не будет переживать за мою жизнь и безопасность – это получится лучше...

– Значит, мы скрываемся, – подвела я итог. – И развязываем руки герцогине для решительных действий. И надеемся, что...

Я осеклась.

– Мать жива... Я ее чувствую, – прошептал Рэм.

– Герцог... Герцогиня. Принц-консорт. Почему я один понимаю, как это бредово звучит?! Вы еще скажите, что в том мире есть магия! – возмутился Паша.

– Есть, – смущенно улыбнулся Рэм.

Паша издевательски зафыркал.

– Мама, а вот почему ты ему веришь? – сказал он наконец. – И про его мир, и про мать-герцогиню. И даже про магию. Без обид, Рэм, но звучит так, будто все мы – готовые клиенты для дурки.

– Потому что его мать-герцогиня нас с тобой спасла много лет назад. И спасла – как я понимаю – при помощи магии. А теперь наша очередь отдавать свой долг.

Сын какое-то время смотрел обалдело. Потом стал что-то вспоминать. Потом

соображать.

– Получается, что наша задача – не попасться, – кивнул он.

– Именно, – ответил сын герцогини.

– Тогда рассказывайте, что вы придумали, – потребовал Пашка.

– Пока ничего, – печально вздохнула я. – К сожалению.

Мы пекли картошку, попутно объясняя герцогскому сыну, что вот такие черные практически угли – ни с чем не сравнимое, изумительно вкусное лакомство. С учетом добавления соли, конечно.

Рэм пробовал осторожно. Потом распробовал... Согласился, что вкусно.

Вечер удался. Если забыть причину, по которой мы оказались в деревне Большие Язвищи, то можно было представить себя семьей, выехавшей из города на пикник. Буквально «на травку, потрогать козявку»^[1].

Осенний, чуть горький воздух... Свежесть, которую хочется вдыхать. Это время года пахло для меня несбывшимися надеждами, уже практически сгоревшими в костре вместе с опавшими листьями... Но это все будет чуточку позже, когда ветер сорвет яркие листья, пообещав им путешествие в теплые края вслед за птицами, и – как водится – обманет.

А пока... Холодная ночь. Яркие звезды. И полная бесприютность. Осень...

– Расскажи нам о своем мире, – попросил Паша.

– Мой мир... – задумчиво проговорил Рэм. – Это мир магии. И магов. И – не в обиду будет сказано вам – мы более трепетно относимся к природе. И никогда бы не позволили себе так загрязнять то, чем мы дышим.

– С лозунгами Гринписа все понятно, – поморщился Паша. – Расскажи лучше о магии.

– Мы используем силу стихий. Воды, воздуха, огня и земли. Я, например, прошу о помощи землю – это моя стихия. Потом я напитываю силой слово – и отдаю приказ. И получаю то, что мне необходимо.

– А магичить у нас ты можешь?

– Могу, но это будет тяжело. Стихии в этом мире практически не откликаются. Они словно умерли. Или спят.

– Так... А что у тебя за страна?

– Герцогство Рэймское, – гордо объявил Рэм. – Мы богаты и независимы. Наша страна расположена в горах, виды потрясающие. У нас лучшие в мире ювелиры. Исключительные виноградники на южных склонах. Мы производим знаменитое рэймское вино. И гномий самогон.

– Что? Самогон? – воскликнула я.

– У вас есть гномы? – обалдел Паша.

– Гномов у нас нет, – рассмеялся Рэм. – Их вообще нет, по крайней мере, в нашем мире. Но есть легенды, что когда-то они обитали у нас в горах. И оставили нам уникальные способы обработки драгоценных камней. И непревзойденный рецепт очень крепкого спиртного напитка, который и носит название – гномий самогон. На самом деле там несколько раз особым образом перебраживают и перегоняют остатки производства вина – косточки, шмых... Но эффект, говорят, непревзойденный. И даже император Тигверд пьет именно наш гномий самогон. Правда, в последнее время, его вывозят только контрабандой.

– Почему? – стало интересно мне.

– Новый виток конфликта с Империей, – пожал плечами Рэм. – Они же завоеватели. Без пролитой крови во славу их оружия им жизнь немила. Им несколько десятков маленьких стран по их границам – как кость в горле. Сколько существует Империя Тигвердов, столько длится это противостояние. Только мы им не по зубам. И богаты, и местоположение страны

уникально – в горах нас не взять!

– А ты все это откуда знаешь? – поинтересовался Паша.

– Ты смеешься? Я же наследник. Политическая география, экономика, военное дело. Фехтование, верховая езда и танцы – так, в виде развлечения.

– Офонареть!

– Расскажи нам еще про свое герцогство, – попросила я, бросив укоризненный взгляд на сына. Все-таки своей любовью к молодежному жаргону раздражал он меня несказанно.

Рэм с благодарностью посмотрел на меня и продолжил:

– Со всего света к нам ездят на воды – поправить здоровье. Даже высокомерные имперцы предпочитают отдыхать у нас. Я покажу вам плато, водопады и... – Рэм вспомнил, что он беглец, осекся и замолчал.

– Обязательно покажешь, – улыбнулся ему Паша. – Как только отпинаемся – а отпинаемся мы обязательно, – так сразу к вам. Отдыхать. И отвязываться!

Юный герцог невесело улыбнулся, но согласно кивнул.

– А по горным рекам летом у вас сплавливаются?

– Нет, – удивленно ответил Рэм. – А как это?

– О, брат! Это клево, спроси у мамы. Даже ей понравилось.

– Понравилось, – не стала спорить я. – Мы были этим летом в горах, в Адыгее. И на такой сплав меня Паша подбил. Лодка надувная, резиновая, мы в спасательных жилетах. И река бурлит, несет тебя, как щепку. Незабываемо.

– У нас бы дамы на такое не решились, – проворчал Рэм. – Но для вас, я думаю, мы такой отдых организуем.

– А помнишь, как мы потом с камня в воду прыгали? – счастливо улыбнулся сын.

– Разве у вас в горных реках вода не ледяная?

– Конечно, ледяная, – удивленно посмотрел на него Паша.

– Тогда – зачем?

– Ты не понимаешь? В этом же самый кайф! Ну, ничего, потом поймешь, когда прыгать сам будешь.

– Кстати, нас в тот момент еще и фотографировали. Кадры получились – исключительные, – добавила я.

– Все-таки у нас такие сумасшедшие виды отдыха не приняты, – с удивлением посмотрел на нас Рэм. – Все... чинно. Пешие прогулки, верховая езда.

– Круто, – восхитился Паша. – Я вот все хотел верховой ездой заняться серьезно – мне нравится. Но... И времени не хватает. Занятия фехтованием у меня шесть раз в неделю. Плюс сборы, плюс соревнования. Да и стоит это удовольствие... Не по-детски.

– Ты на юге, пока мы были в отпуске две недели, с лошади не слезал, – покачала я головой, – так что не прибедняйся.

– Почему не слезал? – возмутился Паша. – Я ведь и кушал, и спал. Да и мы по реке сплавились. И на водопадах были. А то, что ты в беседке сидела на ферме и книжку читала, пока я занимался, так это ты лошадей боишься. Кто ж тебе виноват.

– Не то чтобы я боялась, – не согласилась я под насмешливым взглядом сына, – просто я не понимаю удовольствия в отбитой пятой точке. И предпочитаю пешие прогулки. И танцы.

Рэм, услышав от меня про пятую точку, посмотрел недоуменно, словно не поверив, что я могла произнести такое.

– Все же вы совсем другие... – проговорил он наконец. – И отношения у вас... проще. И

слова вы так не подбираете, как положено... у нас.

– И это плохо? – Паша насторожился.

– Не знаю... Но таким отношениям, как у тебя с мамой, я просто завидую.

– А разве у тебя... – опешил Паша.

– Нет-нет! – стал оправдываться юный герцог, наткнувшийся еще и на мой недовольный взгляд. – Вы не подумайте... Мы с мамой. И с отцом...

У него перехватило дыхание – он вспомнил, что отец погиб, а мать рискует собой, чтобы вернуть себе обратно свою страну.

Мы все замолчали, уставившись в золотисто-алые угли костра.

– Отец и мать – самые близкие мне люди. Но... мама никогда не забывала сама и не давала забыть другим, что она прежде всего герцогиня Рэймская. А я прежде всего ее наследник.

– И как это проявлялось? – спросил Паша.

– У нас все жестче, чем у вас. Не так, конечно, как в Османском ханстве или в той же Империи Тигвердов, но... Такие посиделки у костра с моей мамой попросту невозможны. Или... сплав на лодке. Да и разговоры ни о чем – как вы их называете – по душам? Такое тоже сложно представить. И я никогда не думал, что это так... тепло.

Крупные сияющие алмазы звезд смотрели на нас, троих беглецов, и сочувственно подмигивали.

– Кажется, что в этом мире не осталось никого, кроме нас троих, – прошептал Паша.

– А скрываться надо там, где много народу, – задумчиво протянула я. – Знаете, по принципу листьев в лесу: когда их неисчислимо количество, сложно найти нужный.

– Может, в Москву? – предложил Паша.

– Здорово, – уважительно посмотрела я на сына. – Столица нашей родины... Там людей столько, что вполне могут пропасть и еще трое.

– Столица – это хорошо, – проговорил Рэм. – Только если преследователи поняли, что я в этом мире, то меня тут найдут. Дело времени. Причем не слишком долгого. Но идея с какой-нибудь столицей...

– Ты не забывай. Нам еще и легализоваться надо, – скривилась я.

– Это я помню.

– А если пойти от противного... – начал размышлять Паша. – Рэм, вот где тебя искать никогда не будут?

– Не знаю, – растерянно сказал юный герцог.

– Ну... Есть место, которое ты настолько терпеть не можешь, что никогда бы туда не сунулся?

– Империя Тигвердов, – не задумываясь, отрапортовал наследник Рэймского герцогства. – Наши восточные соседи.

– Вот, – подвел итог Паша. – Значит, нам туда и надо.

– Постой, – попыталась остановить я сына в его замыслах. – Это же соседняя страна. Рэма могут опознать. А проблемы с языком... А одежда. И мы с тобой, сын, не умеем себя держать, как там положено...

– Последнее как раз не проблема, – заявил Рэм. – Спины вы держите ровно, если Павел последит за речью и за манерами по отношению к вам, миледи, то... Все вполне может получиться. К тому же если мы прибудем в столицу Империи откуда-нибудь из Западной провинции, то наше легкое несоответствие и акцент спишут на провинциальность.

Касательно того, что меня опознают... У нас не так распространены фотографии, как у вас. В газетах разве что. Но я уверен, что там мой портрет не печатали. Особенно в имперских. Они вообще интересуются лишь собой.

– Не то чтобы меня волновали средства массовой информации, – хмыкнула я. – Скорее, служба безопасности. Разведка. Вот у них твои портреты точно имеются. Как и изображения правящих домов по всему миру.

– Разведку еще надо заинтересовать, – скривился Рэм. – И потом. Я могу слегка изменить внешность. Стать больше похожим на Павла и вас. Главное, когда мы встретим мага...

– Не пропалиться! – радостно поддержал его мой сын.

– Да... – вздохнула я. – И ничего в Штирлице не выдаст советского разведчика, кроме буденовки, парашюта и кирзовых сапог.

– А? – не понял мой сын.

– Ты за речью следить будешь, говорю? – пояснила я ему. – Тебе же русским языком объясняли – говоришь без молодежного жаргона!

– А кто такой Штирлиц? – поинтересовался Рэм.

– Разведчик, – хором ответили мы с Пашей.

– Кино такое есть, – добавил мой сын. – Классное!

Мы с Рэмом зарычали синхронным хором.

– Хорошее, – поправился мой невозможный отпрыск.

– Жаль, что у нас фильмов нет, – покачал головой Рэм. – Это ваше изобретение. Как и Интернет.

Я вздохнула. Как бы мне хотелось уверенно сказать вслед за Пашей: как только все закончится – и непременно хорошо, – так мы сразу... И гостить в герцогство, и смотреть фильмы, и обязательно «Семнадцать мгновений весны». И на шашлыки... Обязательно настоять, чтобы мама Рэма к нам присоединилась. Положено это там у них, не положено – не важно...

– Все это будет, – словно прочитав мои мысли, серьезно сказал Паша. – Не переживай.

– Только надо хорошо все обдумать, – отозвался Рэм. – И просчитать.

Мое материнское сердце дрогнуло от гордости. «Надо же... Взрослые совсем!» А вслух я сказала:

– Тогда давайте просчитывать. Что нам надо? Знание языка, манер.

– Одежда, – добавил Паша. – Легенда.

– В смысле? – опять не понял нас юный герцог.

– Легенда – это то, что мы будем рассказывать всем. Кто мы, откуда мы, как нас зовут, – пояснил Паша.

– А как мы будем выкручиваться с документами? Паспорта, подорожные, виды на жительство. Что нам может потребоваться?

– Это все как раз решаемо, – покачал головой юный герцог. – Дворяне Империи имеют право путешествовать по своим надобностям, не отчитываясь ни перед кем. По крайней мере, официально. Знание языка – дело наживное. В саквояже, который мама оставила, есть кристаллы с заклинанием на изучение любого языка. На имперский – он весьма отличается от вашего – я их настрою легко. Я говорю по-имперски.

– Класс! – восхитился Паша. – Мне бы такой на английский. Особенно когда мы неправильные глаголы сдаем.

– Молчи уже, ленивец! – возмутилась я. Нелюбовь сына к изучению иностранных языков меня всегда раздражала.

Рэм посмотрел на нас снисходительно, как взрослый на расшалившихся детей, и продолжил:

– Что касается одежды и, кстати говоря, денег, то это все есть в саквояже. Остается главная, на мой взгляд, проблема.

– Какая? – спросила я.

– Что нам делать с вашими волосами?

И юный герцог недовольно уставился на меня.

– А что с ними не так?

Я как раз перед первым сентября приводила себя в порядок после отпуска. И стрижку свеженькую делала, любимое каре длиной до плеч, и мелирование, чтобы кое-где прорезавшуюся седину скрыть.

– У нас так не ходят, – пояснил мне Рэм. – Женщины волосы, по-моему, вообще не стригут. И таких прядей ни у кого я не видел.

– Точно, – сказала я. – Рэм, ты умница, что обратил внимание.

– Только что нам теперь делать? – спросил Паша.

– Надо посмотреть, что у мамы в саквояже есть. Может, что-то и удастся использовать. Я бытовой магией до такой степени, чтобы отрастить волосы нужной длины, не владею.

– Ладно, – поднялась я. – Костер прогорел, мы вроде определились. Пошли спать. Утро вечера мудренее. Завтра начнем готовиться.

Утро началось с того, что я почувствовала себя как-то странно. Голова была не моя – по крайней мере, слушаться меня и отрываться от пола, на который мы и покидали спальные, она не собиралась. Я попыталась хотя бы повертеть ею, но уткнулась в волосы.

Они были повсюду. И кажется, еще и шевелились. Мое сердце ухнуло вниз, потом взлетело, затарахтев, куда-то к горлу. А потом я заорала.

Услышала шум слева и справа. Крик Паши:

– Мам, что это?!!!

– Что со мной?! – вгорила я в панике.

И тут раздался смущенный голос Рэма:

– Простите меня. Это я ночью...

– Объяснения после! – зарычала я. – Прекрати это! Они шевелятся!!!

– Волосы просто растут, – пояснил юный маг. – Не бойтесь. Сейчас я что-нибудь придумаю...

Я рассматривала себя в зеркало. Старое, мутное. То, что нашлось в заброшенном доме.

Ну, что ж... Должна отметить, что у герцога Рэймского получилось неплохо. Грива роскошных волос – необычного теплого медового оттенка. Может, оттенка янтаря, с золотистым отливом на свету. Я до этого времени обходилась достаточно невнятным темно-русый оттенком, который уже несколько лет как приходилось окрашивать из-за ранней седины. Кстати, теперь она исчезла. Длину волос мы оставили по пояс, остальные обстригли, как только Рэму удалось отменить заклинание и волосы перестали расти как сумасшедшие.

Огромным минусом было то, что я понятия не имела, что делать с такой длиной волос.

Косы у меня были в школе, до девятого класса, пока я еще занималась танцами. Потом я все безжалостно обстригла.

И что теперь? Как там женщины волосы носили? Без челки, но спереди изящными локонами, а остальное убирала шпильками или гребнями. Как-то так. И, надеюсь, чепцов замужние дамы не надевали, а то это будет слишком тяжело для моей и без того истерзанной нервной системы. Кстати, а где мне взять шпильки?

Я вздохнула.

– Ладно, не переживай, – сказала я Рэму, который ходил подавленный после своих ночных подвигов. Он расстроился, что перепугал меня. – Просто в следующий раз предупреждай.

Мы выяснили, что беглецу не спалось после всех наших разговоров, он и решил, что поколдовать перед сном – хорошая мысль. В результате я обзавелась нужной длиной волос, а Паша с Рэмом – поменяли оттенок своих шевелюр. И у одного, и у второго они стали такими же, как и у меня. Кроме того, Рэм чуть подправил свои черты лица. И их с моим сыном вполне можно было принять за двойняшек.

– Давайте разбираться с языком, одеждой и тем, кто мы такие, – распорядилась я после завтрака.

– Язык лучше учить во сне. Будет и эффективней, и безболезненней, – с извиняющимися интонациями проговорил Рэм.

– Хорошо, – согласились мы с Пашей. – Значит, когда мы уснем...

– Я все сделаю.

– Легенда? – спросил мой сын.

– Обедневшие дворяне из Западной провинции Империи Тигвердов, – было видно, что Рэм ночью не только колдовал, но еще и много думал. И теперь был готов представить все, что навывдумывал. – Вы – вдова... Иначе не объяснить, как вам одной разрешили уйти из дома. Да еще и вместе с сыновьями.

– Согласна, – кивнула я. – А зачем мы прибыли в столицу?

– Вы привезли нас в Роттервик, чтобы пристроить куда-нибудь. В учебное заведение. Или же на службу. Чтобы мы не прозябали в провинции. Чтобы у нас появился шанс.

– Это ты хорошо придумал, – потеревила я сережку. – Только вопрос с учебными заведениями. У вас когда начало учебного года?

– Осенью, – ответил Рэм. – Так же, как и у вас.

– Так чего же мы сорвались, когда учебный год уже начался? Логичнее было бы летом, к вступительным экзаменам.

– Вы не обязаны объяснять. И у вас не имеют права требовать объяснений, – начал Рэм.

– Допустим. Но ведь наша задача – не привлекать к себе внимания. А вот настолько глупая – даже и дворянка... Что едет пристраивать своих детей, когда все уже учатся...

– Такое может запомниться, – кивнул Паша.

– А если у вас конфликт с родственниками после смерти мужа? – обдумав, заговорил Рэм. – И вы уехали, чтобы все попробовать начать сначала...

– Вот это мне уже нравится. И можно будет упомянуть, что мы хотим подготовиться к поступлению в столичное учебное заведение на следующий год, – продолжила его мысль я.

– А какая у нас будет фамилия? И имена? – спросил Паша.

– Ваша матушка так и останется Вероникой – такое имя есть у нас, – ответил юный

герцог. – Я – Рэм, а ты будешь Паулем.

Мой сын скривился:

– По-моему, звучит ужасно. – И он противно протянул: – Па-а-ауль. Фу.

– Привыкай, – отрезала я.

– Ладно, – недовольно кивнул сын. – А фамилия?

– Она может быть выдуманной. Дворяне, которые вышли из своих родов, так делают.

– Тогда Лиззард, – хмыкнул Паша.

– А при чем тут ящерица по-английски? – удивилась я.

– Ма-а-ам, ты что, не помнишь, сколько я этого зверька учил в четвертом классе. И никак запомнить не мог. Пускай будет.

Мы с Рэмом переглянулись и кивнули.

– Теперь – одежда. – Герцог потянулся за небольшим саквояжем, который оставила ему мама, когда уходила.

Я все восхищалась этим «тревожным чемоданчиком». Несмотря на его небольшие размеры, там было все! Видимо, к варианту, что нужно будет убегать и скрываться, в герцогстве подходили серьезно. Одежда, деньги, драгоценности, оружие... Трости, перчатки и всякая мелочь... Теперь же мы наблюдали, как Рэм извлекает оттуда два комплекта мужской одежды и один – женской.

– Нет, – застонал Паша, рассмотрев то, что ему придется надеть. – Только не говорите мне, что это – чулки.

– Именно так, – насмешливо хмыкнул Рэм. – Чулки и туфли. Или же чулки, на которые надевают сапоги.

А я смотрела на платье, которое предложили мне. И про себя ругалась – ну вот почему из всех вариантов моды в Империи Тигвердов было принято носить то, что как две капли воды походило на амфир начала XIX века. Нелепые платья-ночнушки с поясом под грудь. Всегда полагала, что, как только надеваешь такое, оно сразу прибавляет тебе несколько килограммов. А мне так тем более, с моей наличествующей грудью да весом, далеким от анорексии. Упорно на пять килограммов больше положенного.

Вздыхнула. Попыталась одеться. Намучилась с нижним бельем. Корсет – вещь неудобная. Отметила, что в этом варианте крючки на платье, как и шнуровка на корсете, были спереди – видимо, герцогиня прекрасно понимала, что прислуга не всегда может оказаться рядом, чтобы помочь.

Оглядела себя. Расстроилась. Вспомнила, что английская актриса, которая снималась в фильме «Гордость и предубеждение», выглядела пышечкой в подобной красоте, а она была от силы сорок четвертого размера – если переводить на наши. И успокоилась.

Сделала несколько шагов. Мда... Не джинсы, что ни говори.

Вышла к мальчишкам, споткнулась у порога, наступив на подол.

– К этому всему надо привыкать, – глубокомысленно изрек Рэм, со смехом в глазах глядя на возмущенного Павла в бархатном камзолычке, штанишках по колено и беленьких чулочках.

– Слушай, – закралось у меня нехорошее подозрение. – Если сопоставлять с тем, что носили в нашем мире... То у мужчин уже были длинные брюки. А такой наряд был, скорее, для бала. Не так ли?

Рэм расхохотался:

– Конечно. Но Пауль в нем... неотразим.

– Я тебя урою! – заорал «неотразимый» Пауль.

Мы с Рэмом хором рявкнули на него:

– Следи за речью!

– Ты же теперь Пауль Лиззард, – добавил Рэм. – Вот и соответствуй!

На последнем совете в нашей избушке было решено появиться в городке Триммс, который находился на расстоянии одного перегона от столицы. Именно через этот городок проходил тракт, связывающий столицу с Западной провинцией. Рэм говорил, что городок шумный, многолюдный и бестолковый.

– Там ни у кого не возникнет вопросов, откуда мы взялись, – пояснил он. – Кроме того, я там был один раз. Мама была приглашена к императору Фредерику, и я пробрался с ней. Меня, правда, в этом городке и обнаружили. Отругали и отправили домой. Но путь туда, используя артефакт перехода, я построить смогу.

Артефакты перехода вообще были вещью бесценной. Они могли перенести тебя из одной точки в другую. Кроме того, наиболее мощные можно было использовать, чтобы переходить между мирами. Именно такой артефакт собирался использовать Рэм. Единственное условие – нужно было хорошо представлять себе место, в котором ты хочешь очутиться.

– А еще есть маги, которые могут сами, без артефактов, выстраивать такие порталы, – рассказывал нам Рэм. – Но это уже запредельная мощь. Мама, конечно, сильный маг, но она так не умеет. И у меня сил не хватает. Говорят, на это способен император Тигверд и его сыновья. А может, и некоторые аристократы Империи – кто их знает.

В общей сложности за разговорами и подготовкой мы пробыли в селе Большие Язвищи пять дней. Учились говорить на имперском. Рэм смог наколдовать, чтобы он записался в наш мозг, – но надо было еще не сбиваться на русский. Репетировали легенду об обедневшей дворянке-вдове и ее сыновьях. Отрабатывали манеру поведения, умение ходить в непривычной одежде. Я осваивала книксены, Пашка – поклоны. Его светлость герцог Рэйм безжалостно угорал над нами.

В последнюю ночь перед отбытием я не спала – нервничала. Мне все казалось, что стоит нам только показаться на людях, как нас немедленно схватят и поведут в жуткие казематы.

Но все прошло вполне мирно. Обыденно даже. Мы втроем вошли в радужное марево портала. «Только надо расслабиться и не сопротивляться переносу, иначе будет жутко тошнить», – учил нас Рэм.

Юный герцог перебрросил нас в парк городка Триммс. Он решил, что в парке народу будет поменьше и мы не привлечем внимания. Так и получилось. Никому до нас дела не было. Мы вынырнули из портала. Оглянулись – и неспешно вышли из парка на улицу.

Нас встретил шум оживленного городка, стоящего на пересечении важных дорог. Толчея, гомон, спешащие по своим делам имперцы. И мы – еще трое, влившиеся в поток людей.

Купили места в почтовой карете, отходившей на закате.

– Не сомневайтесь, миледи! Чисто, просторно. Самое удобное прибытие в столицу! Ранним утром, – расхваливал свой товар мужчина в кассе. – Особенно для тех, кто плохо еще ориентируется в Роттервике. И гостиницу найти можно, не торопясь. И пообедать уже спокойно, без суеты.

Я скупно улыбнулась ему, протянула деньги:

– Три билета.

Мужчина принял монеты, протянул мне алые квадратные карточки, на которых были отпечатаны пункты отбытия и прибытия. И места – четвертое, пятое и шестое.

– Попутчики у вас люди спокойные, солидные – негоциант с женой и их дочь, – отчитался он мне. – В столицу по делам. По мне так, жена с дочерью решили гардероб обновить.

– Надеюсь, мы доберемся без приключений. – Я убрала билеты в сумочку.

– Что вы, миледи, – даже обиделся продавец. – Какие приключения! Как можно! Всем известно, что порядок и безопасность на дорогах под личным контролем милорда Верда, бастарда императора. А он не тот человек, который бы позволил, чтобы плохо исполнялось то, что ему поручил наш повелитель. И за порядком на дорогах следят солдаты, вышедшие в отставку. А мы спуску никому не дадим.

– Конечно-конечно, – кивнула я. – Это понятно. Но нервы...

– Не переживайте. Я когда-то служил с милордом Вердом. Он тогда только-только в чины стал входить. Так вот, смею заметить, что забота о своих людях у милорда – всегда на первом месте!

– Вы меня успокоили.

– Простите, миледи, за горячность, – поклонился мне служащий. – Мы люди простые – солдаты, политесам не наученные.

Я лишь улыбнулась. Не наученный он, как же...

– Вы позволите порекомендовать вам, где можно провести время до отбытия? – продолжил мужчина.

– Буду признательна.

– Вот. – Мне протянули карточку с адресом. – Гостиница здесь. Очень приличная. Моя сестра держит. И кормят вкусно.

Кивнув, я вышла. На улице меня встретили Пауль и Рэм.

– Матушка? – спросил Рэм.

Показала им билеты.

– А мы газеты купили, как вы и просили, – почтительно проговорил Паша.

«Надо же, он так умеет», – подумала я.

– Куда мы теперь? – спросил сын.

– Мне надо зайти в магазин женской одежды.

– Зачем? – удивился Паша.

Я посмотрела на него возмущенно. Не хватало еще объяснять собственному сыну, что платья, которые герцогиня укладывала в саквояж, шились на нее. И если в талии мы были практически одинаковыми, то в груди я попышнее. Следовательно, об удобстве говорить не приходилось.

– Так, – распорядилась я. – Мы идем в гостиницу. Мне дали карточку с адресом. Там располагаемся и заказываем обед. Вы остаетесь, а я прогуляюсь.

Гостиница оказалась уютной, хозяйка – милой и приветливой. Мы не остались в общем зале, а заказали номер наверху. Туда же я приказала подать обед. Узнав, что магазин готового женского платья располагается на этой же улице, через три дома, я туда и отправилась.

– Миледи? – удивилась мне продавщица, как только оглядела мой наряд. – Вы уверены, что вам по чину одеваться у нас?

– Да. Я хочу что-нибудь попроще. И поудобнее, – ответила я, недоумевающая про себя – что такое увидела в моих нарядах девушка, чего не видела я.

Я купила себе четыре платья – все были светленькими, как на подбор. Хотя продавщица утверждала, что все они были разных цветов: кремовое, персиковое, цвета слоновой кости и цвета шампанского. У меня, конечно, не было причин ей не верить, но... По-моему, они все были бледно-желтые. И это при том, что я попросила подобрать мне что-нибудь в дорогу. Хотелось чего-нибудь серенького. Или синенького. Но что делать – надела то, что мне выдали.

А вот верхняя одежда меня порадовала. Это была пара коротких жакетов – один синий, другой – терракотовый. Хоть какие-то цвета в мире нежной пастели и аккуратных, едва заметных цветочков.

– У вас очень красивая шляпка, – сделала мне комплимент продавщица, – я постаралась подобрать одежду, чтобы ее можно было надеть ко всем нарядам.

– Спасибо.

Я подошла к своим коробкам и хотела уже взять их с собой, но поймала крайне удивленный взгляд девушки.

– Доставьте мои покупки в гостиницу «Почтовый голубь», – отдала я распоряжение. Судя по тому, как девушка успокоилась, я повела себя правильно. – И подскажите мне, где можно купить пару удобных дорожных ботинок. Те, что я взяла из дома, мало подходят для путешествий.

Продавщица понимающе улыbnулась и ответила:

– Если вам будет угодно, вниз по улице, по нашей же стороне. Тут недалеко.

Я расплатилась и вышла.

Огляделась. И пошла искать обувную лавку.

Итак, мы уже несколько часов в Империи Тигвердов – Империи воинов, захватчиков, как ее характеризовал Рэм. Честно говоря, по его описаниям, я ожидала что-то сумрачное. Какую-то империю зла, где все ходят стройным строем и дружно скандируют: «Славься, император!»

Ничего такого не было.

Суестьихся людей вокруг было море. Все куда-то торопились, отбывая или прибывая. Но вокруг царила уютная доброжелательность. Я не замечала разлитого раздражения вокруг. Люди улыбались. И старались помочь друг другу.

Не знаю, как все сложится дальше, но пока мне тут нравилось. Еще бы утром без приключений въехать в Роттервик.

Купив удобные ботиночки (как они выделявают кожу – одно восхищение) и домашние туфельки (как есть наши балетки), я отправилась в гостиницу.

– Прикажете обед вам подавать? – встретил меня служащий. – Вашим сыновьям все понравилось, смею заметить. Я, как узнал, что вы за покупками отправились, распорядился вашу порцию отложить. Зачем, думаю, миледи холодное кушать будет?

– Замечательно, – кивнула я. – И проследите, пожалуйста. Мои покупки должны доставить.

– Не извольте беспокоиться.

В номере меня ждали мальчишки. Они азартно резались в дурака.

– Мам, все в порядке? – поприветствовал меня Пауль.

– Все хорошо. Покупки скоро доставят, обед разогреют. Карты откуда?

– Купили в лавочке неподалеку, – ответил мне Рэм.

– Не переживай, – тихо-тихо проговорил мой сын. – Они местные. Кстати, один в один –

наши, родные. Земные.

– Странно, – посмотрела я на колоду. – Действительно.

– В нашем мире есть выходцы из вашего мира, – едва слышно сказал Рэм. – Это не афишируется, но наши миры не изолированы друг от друга.

– А что в газетах? – решила я сменить тему.

И Рэм, и Паша посмотрели на меня смущенно. Видимо, отвлеклись на карты – и про все забыли.

Я покачала головой, уселась в кресло. И стала читать.

Ни в одной из трех газет, что я просмотрела, ничего о Рэймском герцогстве не было. Кстати, ни об одном государстве, что были на этом же материке, тоже не упоминалось. Такое ощущение, что, кроме Империи Тигвердов, на этом свете больше никого и ничего не было.

Удивил меня небрежный тон в отношении императора Тигверда. Во всех газетах описывался роскошный прием, который давал повелитель. Отмечалось, что император открывал его со своей дамой сердца, маркизой Вустер.

Еще одна статья была про милорда Верда, того самого, о котором упоминал продавец билетов – солдат в отставке. И если он говорил о бывшем командире с уважением, практически с обожанием, то статья в газете о бастарде императора была ядовитая.

Бывший командующий вооруженными силами Империи два года назад стал преподавателем. К добру ли это? Что это несет нашим детям? И, самое главное, можем ли мы быть уверены в том, что наши дети в безопасности? Все ведь помнят историю, предшествующую этому назначению. Тогда милорд Верд был не в себе. Сколько пролилось невинной крови! И сколько ее может еще пролиться, если император Тигверд не возьмет под личный контроль хищные инстинкты своего незаконнорожденного сына.

И самый главный вопрос, который задают себе граждане Империи: в безопасности ли наследник престола, который обучается в Военной академии на последнем курсе? Академии, где ректором назначен милорд Верд, бывший командующий? Кто даст ответы на эти вопросы? Кто успокоит наших граждан?

А в ответ лишь высокомерная тишина...

И подобные размышляницы везде. Во всех газетах. Словно кто проплатил или договорился. Интересно, а почему администрация императора не реагирует на подобные красоты? Или не печатает каких-нибудь своих газет, где бы все объясняли в нужном ключе? Или император таким образом показывает отношение к своему незаконнорожденному сыну? Занятно у них тут.

Карета была запряжена шестеркой холеных вороных лошадей. Я заснула, как только уселась на свое место. Благо сиденья были удобные, чуть откидывались назад. И места для ног было достаточно. Слышала, как тархтели до глубокой ночи наши попутчики – в основном мама с дочерью, – как они что-то спрашивали у Рэма и Пауля. Понимала, что карета летит с какой-то немыслимой скоростью, значительно больше тех двадцати километров в час, с которыми двигались подобные сооружения в нашем мире. Проснулась я тогда, когда в окошко постучался рассвет. Карета остановилась, а к нам заглянул человек в форме.

– Доброе утро! – поприветствовал он нас. – Добро пожаловать в Роттервик!

Соблаговолите представиться.

– Негоциант третьей гильдии Брамс, – гордо сказал проснувшийся купец. – С супругой и дочерью. По личной надобности.

Человек в форме перевел взгляд на меня.

– Госпожа Лиззарт. С сыновьями. По личной надобности.

Мужчина внимательно смотрел мне в глаза. И вдруг заговорил очень мягко:

– Миледи, если у вас что-то произошло, то вам не нужно оставаться с проблемами один на один, пытаясь их решить самостоятельно. Нужно отправляться в канцелярию Его Величества и просить помощи. Я уверен, что там вам помогут.

– Я думаю над этим, – благодарно посмотрела на него. – Простите, так заметно, что мне нужна помощь?

– Вы путешествуете без сопровождающего и багажа. И называетесь явно выдуманным именем. Какие можно сделать выводы? – улыбнулся мне мужчина. – Вы знаете, где будете останавливаться?

– Мы можем порекомендовать меблированные комнаты, – вмешалась в разговор жена негоцианта. – Мы останавливаемся там не первый год. Там спокойно. Респектабельно.

– Спасибо вам, – оглядела я имперцев. – Спасибо.

Так мы и прибыли в столицу Империи Тигвердов, город Роттервик.

Потихоньку мы обустроились. Негоциант и его супруга проводили нас в меблированные комнаты, где можно было остановиться. И, как я поняла, речь шла даже не о безопасности – а о таком месте, в котором нам можно было остановиться по статусу.

Хозяйка приняла нас как родных – имперцы вообще были людьми гостеприимными, радушными и любезными. Все, кто нам встречался, старались нам помочь.

Четыре комнаты, которые мы сняли, были чистенькими и неплохо обставленными, столовались мы у хозяйки, мальчишек я в свободное время занимала рассказами по истории России или отправляла фехтовать в специально оборудованные для этого залы – по принципу, чем бы ребенок ни занимался, лишь бы утомился как следует.

А я... я осталась предоставленной самой себе. Читать целыми днями было скучно, Интернета не было, всяческими рукоделиями – как мне было положено в этом мире – я заниматься не умела. Да и потребности такой не испытывала. Иголка в руках, а также крючок или спицы рождали во мне чувства как бурного протеста, так и дикого раздражения. К ним прибавлялось еще и желание в кого-нибудь это богатство воткнуть. В общем, прощай нервная система.

Преподавателей-женщин в этом мире не было, да и чему я могла учить? Русской истории?

Было скучно.

Чтобы как-то занять себя, я много гуляла по городу Роттервику, узнавая столицу Империи. Город был красивый. Узкие, мощенные серым булыжником улочки, вытянутые вверх дома с красной черепицей и яркая, сочная – словно и не осень – зелень парков и скверов, которых тут было множество. Неспешно несущая воды река, что разделяла город на Нижний – в нем жили люди попроще – и Верхний. Там за узорчатыми чугунными оградами стояли особняки аристократов и находились правительственные здания. И императорский дворец. На который, правда, я смотрела издали.

А осень тем временем шла своим чередом. И в это воскресенье мы с мальчишками решили отправиться на прогулку в парк неподалеку. Парк примыкал к летней резиденции императора, но гражданам Империи дворянского происхождения вход в него был разрешен. Все-таки я не понимала, как имперцы различали, у кого какое происхождение. Документов действительно никто ни у кого не спрашивал. Однако во всех случаях меня и мальчишек именовали дворянами. Интересно.

Когда я удивлялась, почему это происходит, Рэм смеялся и отвечал мне:

– По манере поведения, миледи Вероника!

Я и мальчишки спокойно миновали ворота императорского парка. Остановились полюбоваться фигурами воинственных грифонов, что венчали ворота и через равные промежутки располагались на высоченной, но изящной кованой ограде, окружавшей летнюю императорскую резиденцию.

– Черный грифон, распластавший крылья, – это символ императорского дома Тигвердов, – просветил нас с Паулем Рэм. – Символ воздаваемой справедливости и победоносного властителя. Соединение острого ума и безграничной силы. Изображенный на золотом щите является к тому же гербом всей Империи Тигвердов.

– Красив, – восхитилась я. – Надменен, но красив.

– Еще и беспощаден, – покачал головой герцог маленького, но свободолюбивого государства, что издавна боролось за свою независимость с Империей.

– А у нас орел двуглавый, – пробормотал под нос сын. – Мам, а они чем-то похожи, не находишь?

– Оба обозначают могущество и власть, может, еще независимость своей страны – крылья-то расправлены, – пожалала я плечами. – Цвета – золотой и черный.

– Птички, – рассмеялся мой неисправимый сын. И на этом мы влились в поток гуляющих.

Мы неспешно пошли по дорожкам, посыпанным розовой гранитной крошкой. Один в один как в нашем мире, например, в Петергофе. На вершине холма возвышался белоснежный замок – но к нему мы не сунулись. Пошли в противоположную сторону.

Вообще, если не слушать чужую речь и не смотреть на людей в одежде, которую у нас не носили уже лет двести, то можно было представить, что мы дома. А все произошедшее с нами – это лишь сон. Станный, но увлекательный.

Я опустила на скамейку, опоясывающую раскидистое дерево. Рэм и Пауль посмотрели на меня насмешливо и унеслись, перед этим побросав захваченные из дома шпаги рядом со мной.

Закрывает глаза и прислушалась к звукам окружающего меня мира.

Играл оркестр – что-то на три счета, очень похожее на вальс. В кронах деревьев легко шумел ветер. С этими звуками переплетался неспешный гул голосов, в котором время от времени слышались счастливые, даже ликующие детские крики.

Подбежал Паша... Нет, мы договорились, что здесь, в этом мире, он Пауль... Такое имя у них было. Значит, надо называть его как положено даже наедине или в уме... Подбежал Пауль, взял со скамейки, где я сидела, шпаги – и унесся к Рэму. Фехтование было у моего сына... больше, чем увлечением. Он им жил. А Рэму хорошо фехтовать было положено по статусу. И в этом мире, как я поняла, сражались холодным оружием. И магией.

Я прикрыла глаза, впитывая неяркое осеннее солнышко, и попросила кого-то:

– Пусть все обойдется... Пожалуйста, пусть все будет хорошо...

– Да неужели я много прошу, – услышала я рядом с собой раздраженное мужское брюзжание. – С точки зрения обороны страны или организации учебного процесса – это вообще мелочи... Так нет же!

Я распахнула глаза и с огромным интересом посмотрела на того, кому организация обороны страны и учебного процесса – равнозначные понятия. Как преподаватель я с ним вполне согласна. А что – человек однозначно понимает, о чем рассуждает... Приятно.

– Вот скажите мне, – обратился вдруг ко мне мужчина. – Как вы делаете так, чтобы прислуга вела себя адекватно: делала то, что приказано, и не лезла туда, куда не надо? И главное, чтобы они не варили на завтрак овсянку?

– Что? – изумилась я.

– Простите за бестактность и крайнее нарушение приличий, – резко и недовольно замотал головой незнакомец. – Мне попросту не к кому обратиться.

– Ничего страшного, – устала я на него.

Не сказать, что внезапно заговоривший со мной был красив. Слишком твердые губы, слишком узкие. Нос... Скорее выразительный и... большеватый. Отметила высокий рост, широкий разворот плеч, гордую осанку. Недовольные черные глаза – сверкающие. И в довершении портрета – светлые волосы, достаточно длинные, чуть вьющиеся на затылке.

Странного серебристого оттенка. Блонди-и-ин? Или седина с таким интересным отливом?

И главное, смотрит так требовательно... Нетерпеливо дожидаясь ответа.

– Я просто не понимаю сути проблемы, – заговорила я. – Думаю, если четко поставить задачу и несколько раз проследить за правильностью исполнения, то можно всего добиться.

– Золотые слова, – пробормотал мужчина. – Только вот у меня не получается. Понимаете, я хочу покоя. Хотя бы вечером. И не хочу знать, как ведется домашнее хозяйство. Но у меня складывается ощущение, что прислуга делает мне все назло. И камердинер мне только что доложил, что очередная экономка собрала вещи и ушла. А теперь мне отказалось помогать агентство по найму. Дескать, я выдвигаю непосильные требования.

Против моей воли – а я видела, что мужчина по-настоящему расстроен и весьма раздражен и злить его еще больше было бы глупо – мои губы расплылись в улыбке. Он с таким возмущением проговорил «экономка ушла», будто его по меньшей мере жена бросила.

Я хихикнула. И тут же сказала:

– Простите.

– Вы считаете, что это и не проблема вовсе? – словно прочитав мои мысли, спросил мужчина.

– Не то чтобы да... – аккуратно сказала я.

Тут его взгляд сместился – и из возмущенного стал настороженно-любопытным. К нам, не убрав шпаги в ножны, подходили Рэм и Пауль. И у меня язык не повернулся назвать их мальчиками – это были молодые мужчины, собравшиеся защищать то, что им дорого, – меня.

– Смотрите, как правильно заходят, – с непонятым восторгом проговорил мужчина. – С двух сторон, боком. С правого плеча. Это?..

– Мои сыновья, – поднялась я со скамейки.

– Молодые люди, – чуть склонил голову мужчина, когда Рэм и Пауль приблизились достаточно. – Я не представляю угрозы. Конечно, проявил бестактность, заговорив с вашей матушкой, не будучи ей представленным, но, я надеюсь, вы извините мне это.

– С кем имеем честь? – холодно поинтересовался Рэм.

Брови незнакомца взлетели вверх. Лицо приобрело выражение крайнего удивления, приправленного легким раздражением. И... восторга, что ли...

– Какая восхитительная...

– Гордость, – перебила я его, опасаясь, что Рэм сейчас окончательно сорвется. – Именно она, милорд. Больше, попросту, у нас ничего не осталось. Хорошего вам дня.

И я отвернулась от него, показывая, что разговор окончен.

– Молодые люди, – обратилась я уже к мальчикам. – Мне ничего не угрожает. Можете продолжать свои упражнения.

Я решила, что мальчишек надо убрать. Нам еще ссоры, которая привлечет внимание, не хватало...

Рэм и Пауль коротко поклонились и отошли.

Мужчина остался на месте.

– Простите, если показался грубым, – вдруг сказал он. – Я – Ричард Фредерик Рэ, лорд Верд, бастард Его Величества.

– Вероника Лиззард, – представилась я.

– Вот так... А почему выдуманное именем-то? – скривился мужчина. – Вы – явно дворянка – и по манерам, и по одежде. А такого имени в перечне дворянских родов попросту нет.

«Конечно, имя выдуманное! Да и то, что я дворянка – тоже неправда. Бабушки и дедушки – кто крестьяне, кто шахтеры. А спина прямая – потому что танцами много лет занималась», – подумалось мне, но вслух я сказала:

– Я называюсь выдуманным именем, потому что хочу предложить вам экономку. Умение выполнять распоряжения, приведение в чувство прислуги, организация вашего покоя и уюта в доме... Это могу гарантировать.

– И эта экономка, как я понимаю...

– Я, милорд. Под своим именем работать было бы неловко.

Не знаю, как эта идея возникла в моей голове, но с каждым мгновением она нравилась мне все больше и больше. К тому же те, кто нас выслеживает, подобной случайной встречи точно не смогут просчитать.

И значит, мы будем в безопасности.

Осталось уговорить моего случайного собеседника, что эта идея – хорошая. А судя по тому, как он хмурился, ему так не казалось.

– Вы – и экономка... – сказал он наконец. – Это смешно.

– Разве обедневшие дворяне не работают экономками или гувернантками? – возразила я.

– Да, но... Вы не выглядите как обедневшая дворянка. Слишком хорошо одеты. Слишком уверены в себе.

– Это так, – согласилась с ним я. – Но боюсь, денег от проданных драгоценностей надолго не хватит.

Он замолчал, обдумывая мои слова.

– Мда... – покачал милорд головой, – так оригинально я прислугу еще не нанимал.

– Скажите, – полюбопытствовала я, – а в прошлые разы, когда было все, как положено, вам нравился результат?

– Нет, – в глазах мелькнула усмешка, – очень не нравился. А вам так нужна работа?

– Если вы интересуетесь, как у меня с деньгами... Мы не бедствуем. Пока, во всяком случае, но есть ряд обстоятельств...

– Подходим к самому главному... Что вы хотите взамен?

– Хорошее учебное заведение для моих сыновей, – решительно ответила я. – Как вы понимаете, уже осень, и шансов у нас немного. Ждать следующего года – не хочется. А вы, когда подошли к скамейке, что-то говорили об организации учебного процесса. Следовательно, вы к этому имеете непосредственное отношение. И сможете нам помочь.

– А что вы только сейчас всполошились? Не летом, когда положено?

– Летом, – вздохнула я, – летом все было по-старому... Мне и в голову не приходило, что я, оставшись без крова, схватив сыновей, буду вынуждена бежать. И куда-то их потом пристраивать.

– Может быть, вам не искать сложных путей и обратиться к Его Величеству? Император суров, но милостив. И если вас преследуют... Или угрожают... Или...

– Простите, это невозможно.

– Вы преступница? Вас разыскивают за совершение какого-нибудь преступления?

– Нет, – удивленно посмотрела я на него. – С чего вы взяли?

– Я просто вас проверяю. Предупреждаю, я чувствую ложь. Продолжим?

– Прошу вас, – чуть наклонила голову я.

– Вы замышляете что-то против Империи?

- Нет, – отрицательно покачала головой я.
- Что-то против меня лично?
- Нет. Ни против вас, ни против Империи я ничего не замышляю.
- Вы хотите войти в мой дом только по тем причинам, которые изложили?
- Я хочу, чтобы мои сыновья занялись делом, чтобы они имели возможность занять то положение, которого достойны. Что касается меня – я хочу крыши над головой и...
- Договаривайте, – приказали мне.
- Не бояться.
- Вы говорите правду. Надо же, – отчего-то удивился он.
- Вас удивляют люди, которые говорят правду?
- Весьма и весьма, – улыбнулся чему-то он. – Только у меня два вопроса: как вы свое решение будете объяснять сыновьям? И под какой фамилий мы будем их зачислять на первый курс Имперской военной академии, которой я имею честь руководить?
- Насчет фамилии я не знаю. Простите. А с сыновьями я договорюсь.
- Да уж, будьте добры. Кстати, фехтуют они превосходно.

Глава 6

– Мать! Ничего, что я так официально? – патетично обратился ко мне сын, когда я рассказала о своей идее, где можно переждать грозу. – Ты совсем спятила?

– Тон смени. И лексику подуйми, – рекомендовала я отпрыску и посмотрела на Рэма.

– Конечно, с матерью так разговаривать нельзя. И Паулю необходимо развивать такую черту характера как сдержанность, но что-то рациональное в его возмущении есть. Сударыня, вы хоть представляете себе, кто такой лорд Верд, с которым вы имели неосторожность заговорить?

– Нет. И кстати, это он заговорил со мной.

– Это роли не играет.

– И кто такой лорд Верд? Где-то я слышала его имя...

– Это бывший главнокомандующий Имперских вооруженных сил, – торжественно объявил Рэм. – Его еще называют имперским палачом.

– А... – вспомнила я. – Это я про него в газете читала, что император отправил его обучать детей в какую-то академию?

– Про него, – кивнул Рэм.

– Так это же хорошо, что мы его встретили, разве нет?

– Он жестокий, страшный человек, – покачал головой Рэм. – Внебрачный сын императора. Победитель всех последних военных кампаний Империи. Подавлял бунт в Западной провинции – залил ее кровью восставших. Во время правления предыдущего императора, Максимилиана, организовывал захват крепостей по границе с Османским ханством на юге.

– Я собираюсь работать у него экономкой, а никак не засланкой повстанцев, – пожалала я плечами. – Поэтому мне вряд ли что-то угрожает.

– Он сильный маг. Про него ходят слухи, что он умеет чувствовать ложь.

– Я так поняла по нашей беседе, что это правда.

– Он допрашивал тебя? – возмутился Паша.

– Задал несколько вопросов. А что тебя удивляет? Он первый раз в жизни меня видит. Ему же надо понять, кого в дом впускаешь.

– И что ты сказала?

– Правду. И вам рекомендую – наверняка он будет беседовать и с вами. Так что давайте договариваться, какую именно правду мы будем ему сообщать.

– Все-таки, мам, я с тебя фанатею! – признал мое совершенство сын через какое-то время, когда мы проговорили основные вопросы. – Ты действительно не сказала ни слова неправды.

– Мы ничего не замыслием против Империи или против милорда. Мы действительно в затруднительном положении. И нам нужен дом, где мы могли бы укрыться. Лиззард – не наша фамилия. Нашу мы не можем сообщить. А дальше – все вопросы к маме. Все.

– И главное – не лгать, – задумчиво протянул Рэм.

– Именно так, мой мальчик.

– И все-таки это унижительно, – покачал головой юный герцог.

– Скажи мне... Когда ты вернешь себе положение и тебя твои доброжелатели спросят: «Где вы укрывались, ваше сиятельство?», что ты ответишь?

– В другом мире, потом в доме у имперского палача.

– Неправильно.

– Это же правда, – мелькнул гнев в его глазах.

– Отчего же? Это лишь часть правды. Которую не факт, что кому-то надо знать. А официальная правда заключается в том, что укрывались вы в Имперской Военной академии, куда проникли хитростью. Это может хоть как-то унижить вас? Или кинуть тень на вашу честь?

– Нет, но...

– Все. Слова «нет», которое вы сами и сказали, вполне достаточно.

– А вы? – поднял он на меня несчастный взгляд.

– А меня воспитали, что любой труд почетен, – пожала плечами. – И поэтому я не чувствую себя униженной. Тем более что все это существенно повышает наши шансы на выживание.

– Почему ты так хочешь отослать нас в эту академию? – спросил Паша. – Мы ведь изначально собирались снять дом. И деньги у нас на это есть!

– По нескольким причинам. Во-первых, все получилось случайно – следовательно, те, кто будет нас искать, не смогут просчитать этот наш шаг. Во-вторых... Скажите, Рэм, кому-нибудь придет в голову искать вас в академии, а женщину, что вас сопровождает, – в экономках у милорда Верда?

– И в страшном сне это никому не приснится.

– Вот поэтому я и настаиваю. И, кстати говоря, есть еще и в-третьих.

– Любопытно послушать, – чуть улыбнулся Рэм. И я поняла, что убедила.

– Вы с Пашей будете заняты делом. Вы будете учиться. Делать уроки, дружить с другими мальчишками. Или драться с ними. То есть вести максимально нормальную жизнь. А не сидеть, спрятавшись в домике, и ждать... А теперь еще раз повторяем легенду – и поехали.

Его милость прислал за нами экипаж – все, как мы вчера с ним договорились. Меня удивило то, что он, человек, безусловно, занятой, ожидал нас на пороге собственного дома.

Дом был... неожиданно легкий, словно воздушный, стремящийся вверх, к солнцу. Я, честно говоря, ожидала увидеть, скорее, серый, мрачный и неприступный замок, но не изящный дом из белого камня, с башенкой слева от входа.

– Молодые люди, вы со мной, – отдал он приказ Рэму и Паулю, после того как мы раскланялись на пороге. – Я оформлю вас в академии под фамилией своей матери как дальних своих родственников, будете зваться мастером Рэмом Рэ и мастером Паулем Рэ. Надеюсь, мне не придется стыдиться того, что я дал вам возможность назваться своей фамилией?

– Нет, милорд, – коротко поклонился Рэм.

Пауль повторил его движение.

– Вот и славно. Сударыня, дом в вашем распоряжении. Слуги предупреждены, – обратился милорд Верд уже ко мне.

– Милорд, – присела я в короткий книксен. Хорошо, что мы их отработали с Рэмом.

– До вечера, – кивнул он мне.

– Одно мгновение, – остановила я его.

– Слушаю вас.

– Когда вы сможете уделить мне время, чтобы я могла получить четкие указания?

Милорд скривился как от зубной боли:

– Это обязательно?

– Простите, но ваших мыслей читать никто не умеет, – нахмурилась я. – Даже я.

Пожалуйста, милорд. Один раз.

И тут же улыбнулась.

Он поджал губы:

– С вас вкусный ужин.

– А что вы любите?

– Мясо, – кровожадно и в чем-то ожидаемо заявил он. – Доброго дня, госпожа Лиззард.

Молодые люди, лошади оседланы. Вперед.

Мне захотелось кинуться вперед, обнять мальчишек, погладить одного и второго по голове, предупредить, чтобы были осторожнее, всхлипнуть... Но я поймала ироничный взгляд лорда Верда и замерла. Сцепила руки и заставила себя остановиться...

Мы с сыновьями вежливо раскланялись. Мужчинам подвели лошадей – и вот их уже не было. Только удаляющийся стук копыт.

Я вздохнула тяжело – и отправилась в дом. Смотреть, что у нас там плохого... Интересно, что все-таки случилось, что милорд так взъярился на прислугу. И чего он там не поделил с экономкой, что она срочно собрала вещи.

– Сударыня! – поприветствовал меня седой, чопорный на вид пожилой мужчина, недовольно поджавший губы при моем появлении. – Рады приветствовать вас.

– Благодарю вас. – Я стала развязывать ленты шляпки. – Я – ваша новая экономка, госпожа Лиззард. Будьте добры, пригласите прислугу. Я бы хотела познакомиться.

– Слушаюсь. – Его губы поджались совсем в тонкую нитку.

– И кто бы сомневался, – пробурчала я, – мое появление восприняли без восторга.

Слуг было четверо. Первым вперед вышел мужчина в возрасте, раскрывший мне дверь.

– Адерли. Джон Адерли, – представился он по фамилии. – Камердинер его милости.

– Очень приятно, – улыбнулась я ему.

– Натан, – представился конюх, подводивший лошадей, молодой улыбчивый мужчина.

– Оливия, – подошла к нему симпатичная женщина. – Я – горничная.

– И моя жена, – добавил Натан.

– Хорошо. – Мне эта пара понравилась.

– Каталина, – сухо сказала еще одна женщина. – Я – повариха.

– Замечательно, – обрадовалась я. – Нам надо договориться о том, что будет сегодня на ужин. Милорд распорядился...

– А давайте вы будете заниматься своими делами, – зло отрезала женщина, – и не лезть в мои.

– Любезная, – заговорила холодно теперь уже я. – Вы немного не поняли. Меня наняли именно потому, что хозяин недоволен тем, как исполняются его приказы. В частности, он что-то говорил о том, что никак не может добиться, чтобы на завтрак подавали еду, которая ему нравится. Поэтому я буду выполнять ту задачу, для которой меня сюда пригласили, – обеспечивать такую работу служащих в этом доме, которая была бы по душе милорду Верду. Чуть позже я зайду к вам на кухню уточнить меню на ужин и на завтрак.

Я специально говорила все это мерзким, преподавательским голосом и не сводила глаз с Каталины, пока она не кивнула.

– Так лучше. Оливия, покажите мне, пожалуйста, дом. Все остальные могут заниматься

своими делами.

Дом... Что и говорить – дом был богат. Мрамор каминов, изящество безделушек, преобладание белого, бежевого и золотистого. Картины на стенах – портретов не было. В основном пейзажи. На первом этаже – роскошная гостиная, столовая, библиотека с роялем. Отдельный коридор вел к господскому кабинету за закрытой на ключ дверью. Вверху, на втором этаже, в одном крыле были хозяйские покои, в другой стороне отдельная лестница вела к комнатам слуг. Под этими комнатами располагалась огромная кухня.

– Красиво, – улыбнулась я. – И дом содержится в порядке. Наверное, это не легко для вас – он очень большой.

– Прежняя экономка раз в неделю нанимала поденщиц из деревни, – ответила Оливия.

– Хорошая практика, – обрадовалась я. – Вы подскажете, к кому стоит обращаться?

– Конечно, госпожа Лиззард.

– Вы можете заниматься своими делами, а я пойду на кухню.

– Могу я задать вопрос?

– Конечно.

– Какие комнаты вам приготовить? В... господской половине?

– А где жила прежняя экономка?

– В нашем крыле, – растерялась девушка.

– Вот и замечательно, – доброжелательно откликнулась я. – Не будем отступать от правил.

– Но, может быть, вам будет удобнее... – смешалась горничная.

– Я заселюсь в ее комнаты. Подготовьте их, пожалуйста.

И я поспешила на кухню.

Интересно, меня что – всерьез посчитали любовницей милорда Верда? Может, и комнату решили зажать, предполагая, что я поселюсь рядом с ним? Нет, мужчина он, конечно, видный. Привлекательный. Но... И работаю я на него. И нехстати какие-то отношения сейчас. И не факт, что мы друг друга заинтересуем...

Поймала себя на том, что я улыбаюсь, рассуждая о том, каково это – иметь в любовниках такую персону. Похоже, я все-таки немножко сошла с ума от всех своих приключений... Покачала головой – и зашла на кухню.

– Добрый день еще раз, Каталина. Что на ужин?

– Мясо под карамельным соусом со сложным гарниром из овощей, – гордо сказала она. – Салаты. И заливное из дичи.

– А как милорд относится к карамельному соусу? Я так понимаю, это на любителя?

– В новом сезоне это самый модный вид горячего, – отрезала она.

– Не буду спорить. Я лишь хотела спросить, любит ли его милорд. Этот самый карамельный соус.

– Не жаловался, – прошипела повариха.

– Ладно, допустим. Кстати, а что его милость любит на завтрак?

– Понятия не имею, – гордо заявила Каталина. – Я варю овсянку.

Я рассмеялась. Что-то это все мне напомнило ситуацию с сэром Баскервилем в нашем незабвенном фильме о Шерлоке Холмсе:

– Мальчик любит овсянку...

– Она полезная. Ее положено есть на завтрак! – продолжила Каталина.

– Кем положено? – аккуратно спросила я.

- Положено – и все!
- И так каждый день?
- Конечно.

Я вздохнула от сочувствия к милорду Верду. Подумать только: иметь репутацию имперского палача, быть сыном императора, пусть даже и незаконнорожденным, не последней персоной в своем отечестве – и получать по утрам ненавистную овсянку. Изо дня в день. Без права на отдых... И помилование. Может, Каталина и есть чья-нибудь засланка и мстит милорду за прошлые преступления и подвиги? Кашей!

– А вам не кажется, что пытаться воспитывать взрослого самоопределившегося мужчину – это как-то... смешно, – сказала я вслух.

Наша повариха зафыркала, не соглашаясь.

– Напеките на завтрашнее утро блинов, – распорядилась я. – Надо узнать, с чем милорд их любит.

Ко мне повернулись спиной, давая понять, что аудиенция окончена.

– Каталина, а как питаются слуги?

– Я готовлю на всех. – Она уже не поворачивалась.

– Хорошо. А как закупаются продукты?

– Раз в неделю. Я пишу список. Прежние экономки сами ходили в деревню, чтобы заказать там продукты. Нам их доставляют.

– Что с этой неделей?

– Все заказано.

– Я узнаю у его милости, что он предпочитает из еды. И к пятнице мы вместе с вами уточним список.

Мне уже не ответили.

Мой сын сказал бы, что это «подстава». Рэм бы, наверное, улыбнулся краешком губ и отметил, что я должна была бы это предвидеть. Сама я могла лишь обзывать себя дурой.

Милорд Верд ненавидел «подслащенное мясо» – как он выразился. При этом он с какой-то детской укоризной посмотрел на меня. Я понимала, что по большому счету не виновата. Но было тоже как-то обидно.

«Ну, погоди, – подумала я, мысленно обращаясь к поварихе. – Зараза!»

А в слух произнесла:

– Милорд, во избежание подобных недоразумений давайте составим...

Хотела сказать «пакт о ненападении», но осеклась. Скорее всего, женщины в этом мире так не говорят.

– Прошу вас, пойдете в библиотеку, – поднялся он.

И я, сжимая в руках записную книжку и карандаш, отправилась за ним.

– А вы серьезно подходите к своим обязанностям, – рассмеялся он, внимательно посмотрев на меня.

– Я привыкла выполнять свои обещания, – хмуро ответила я.

Непонятно в этой ситуации было то, что сам вельможа не так уж и рассердился – скорее опечалился. Я, между прочим, злилась на нашу повариху и ситуацию в целом гораздо больше, чем он.

– Присаживайтесь. – Он кивнул на кресло возле камина, опустившись в соседнее. – Что вы хотели спросить?

Я осталась стоять перед ним, наблюдая, как он вертит широкое кольцо на указательном пальце левой руки. На кольце черными бриллиантами удивительно изящно был выложен грифон, распластавший крылья: как я уже знала, это был герб правящего дома Тигвердов. Только слева, уже алыми камнями, была проведена алая полоса – должно быть, знак того, что владелец этого герба незаконнорожденный.

– Миледи... Госпожа Лиззард...

Я поняла, что залюбовалась на длинные пальцы, что вертели кольцо, и потеряла всякую связь с реальностью. Мне стало неловко. Щеки полыхнули.

– И все же присядьте, – мягко сказал милорд Верд. – Я настаиваю.

Кивнула. Села. И проговорила, хорошо еще не запинаясь:

– Что вы не выносите из еды? Кроме овсянки – это я уже поняла. И мяса со сладким соусом.

– Пожалуй, что и все.

– Что вы любите?

– Из еды? – насмешливо поинтересовался он.

Я с укоризной на него посмотрела.

– Печености всякие, – смущенно признался он. – Пирожки, блины, булочки... Как мама и бабушка готовили. Обедневшие дворяне, знаете ли... Денег на прислугу особо нет. Ничего нет, кроме гордости. Может быть, меня эта ваша фраза и зацепила в парке. Какое-то время я себя ощущал так же.

И у него как-то получилось легко, беспечно улыбнуться. Хмурые, словно специально сложенные для того, чтобы показывать недовольство, черты лица разгладились, и он стал

потрясающе красив. Надо же...

– Хорошее время было. Знаете, это были, пожалуй, единственные люди, которые меня любили. Просто так, просто потому, что я был на свете... даже, наверное, вопреки всему, что я принес в их жизнь. – И мне показалось, что милорд забыл о моем присутствии.

Он задумался, глядя на огонь. Потом сказал:

– Хотя нет – есть еще старые солдаты. С которыми я прошел все кампании.

– Как господин Джон Адерли? – не могла не спросить я.

– Да. Мы служили с ним вместе. Я могу попросить вас быть с ним помягче?

Кивнула:

– Разумеется, милорд.

Мне хотелось спросить, как там устроились Пауль и Рэм, но я как-то не решалась. Все-таки я служащая...

– Вроде бы вашим сыновьям понравилось, – вдруг сказал милорд Верд. Угадал мой вопрос, наверное. – Приняли их, во всяком случае, неплохо. Теперь все зависит от них.

– Что вы имеете в виду? В академии может быть опасно?

– Нет. Мы очень внимательно следим за кадетами и стараемся предусмотреть все.

Я достаточно скептически фыркнула.

– Вы знаете, кстати, для чего была создана Имперская военная академия для отпрысков самых знатных родов? – спросил у меня хозяин поместья.

– Для чего же?

– Чтобы забрать подростков из семей и воспитать их в духе преданности императору и Империи. Плюс чтобы ослабить влияние родственников. И особенно матерей.

– Чем же Империи так матери не угодили? – резануло меня по сердцу его фразой.

– Мужчина должен быть мужчиной. Уметь принимать решение и нести за него ответственность. А матерям, уж простите меня, свойственна гиперопека. А потом они удивляются, что вырос не сын, а размазня.

– Как часто мне можно будет видеть моих мальчиков?

– Вот видите, вы говорите «моих мальчиков». А они и не ваши – они сами по себе. И не мальчики уже – взрослые. И доказали это тем, что встали на вашу защиту, когда увидели во мне угрозу. Это-то меня и подкупило. И не расстраивайтесь так. Вы как раз вполне здравомыслящая особа.

– Спасибо, – получилось иронически.

– Но вы не согласны со мной?

– В том отношении, что сыновей необходимо забирать от их матерей, чтобы те их не испортили?

– Вы как-то неправильно видите ситуацию, – обиженно сказал он. – Я считал, что Его Величество поручил мне важное и необходимое дело – пусть даже и трудное. А вы так говорите, словно я изверг какой-то...

– Простите, я просто переживаю.

– Вам все равно рано или поздно придется привыкнуть, что у вас разные жизни, – тихо сказал он. – И это не значит, что сыновья вас забудут или будут любить меньше. Просто жизнь... Она такая. Она разведет...

– Спасибо вам...

– Если у них не будет замечаний по учебе или по поведению, я смогу привозить их на выходные. Так делают все – и я не буду выглядеть исключением.

– Могу я просить рассказать вас о своем распорядке дня? – решила я помянуть тему разговора.

– Просыпаюсь я рано. Завтракаю в семь утра. В восемь удаляюсь на работу. Как правило, приезжаю на обед в два... Ужинаю – когда возвращаюсь. Обычно – поздно.

– Что вы предпочитаете на обед? Чтобы не получилось, как с этим соусом, «самым популярным в сезоне», – не удержавшись, передразнила я повариху.

Милорд, кажется, все понял и улыбнулся. Что-то во мне его веселило:

– Вы не замечали, что у нас, в Империи, принято вести себя так, как полагается по статусу? Иной раз – слишком?

– Что вы имеете в виду? – аккуратно спросила я. А то я знаю, как положено вести себя в Империи.

– У меня есть статус. Я вельможа, приближенный к короне. Доверенное лицо. – Он скривился. – Следовательно, я должен есть продукты определенного перечня, устраивать свою жизнь по определенным правилам, выбирать только определенных женщин и демонстрировать лишь определенные чувства и эмоции.

– Какие именно?

– Безразличие пополам с презрением, пожалуй. Еще в моде – скука. Ее, как и бледность лица, принято демонстрировать.

– А слуги? Почему у вас с ними проблемы? Я, честно говоря, думала, что если у человека определенная репутация, то ему покоряются. И боятся его разгневать...

– Меня тяжело разгневать подобными мелочами. Я, как правило, не обращаю на них внимания. Мне попросту некогда задумываться о том, что мне подали на обед или на ужин. Если уж я нашел время его проглотить. Наш разговор с вами при первой встрече... Это был какой-то непонятный мне самому душевный порыв. Надо отметить, мне совершенно не свойственный.

Он поднялся, отошел к столику, заставленному графинами, бутылками, бокалами и рюмками разных мастей.

– Хотите выпить? – поинтересовался он, наливая себе что-то мутноватое в маленькую рюмочку.

– К вопросу о том, что принято, а что – нет... – Я пыталась понять для себя, не выдам ли я непонимание местных обычаев и традиций...

– Ничего предосудительного – глоток чего-нибудь вкусного. У вас ведь тоже был тяжелый день?

– Не без этого. – Я поднялась и пошла к нему.

– Глоток вишневой наливки? Вина не держу – не люблю я его. А слабее наливки ничего нет.

– Хорошо. Так что вы предпочитаете есть на обед? – вернулась я к теме разговора.

– Без разницы, – упрямо сказал он.

«Слышала я такое уже. Просто мясо – пока хватит».

– Есть суп, который вы не любите?

– Нет. – Он страдальчески посмотрел на меня – и налил себе еще рюмку.

– Вы едите рыбу и грибы?

– Да.

– Допускаются ли приправы и зелень?

– Какую-то приправу я не люблю, – признался он.

– Какую? – сделала стойку я.

– Не помню. Но я от нее чихаю.

Я залпом, наплевав на приличия, выпила наливку. Крепко, но вкусно. Сладко.

– Тяжелый случай, – пробормотала я.

– Вы что-то сказали?

– Теперь по поводу ужина...

– Я вас обязательно познакомлю с милордом Милфордом, – широко улыбнулся мой хозяин.

Поймав мой удивленный взгляд, он добавил:

– Это начальник имперской контрразведки, мой друг. Что-то мне подсказывает, что вы ему понравитесь.

«Красота! Только с контрразведкой мне не хватало познакомиться...» – подумала я. И продолжила:

– Сколько перемен блюд должно быть на ужине?

– Слушайте, может, еще по наливке и поговорим о чем-нибудь другом? А то я себя ощущаю как на допросе.

– Тогда мне понадобится больше времени, чтобы понять, чем вас кормить. Так сказать, опытным путем составить меню. А вам придется потерпеть.

– Договорились, – безропотно согласился вельможа со зловещей репутацией. – Только я должен предупредить, что у меня обедают по вторникам мои дипломники.

– Сколько человек?

– Шестеро, включая меня.

– Замечательно, – опечалилась я. – Сегодня какой день недели?

– Четверг.

– Время есть.

– Не переживайте. И еще одно. В моем кабинете слуги должны убираться лишь в вашем присутствии. Не то чтобы там лежало на виду что-то секретное. Просто – порядок такой.

– По поводу порядков... Могу я брать из библиотеки книги, чтобы читать их у себя?

– Можно, – пожал он плечами. – Только там практически нет развлекательной литературы.

– Я заметила. Труды по истории, военному делу. Мемуары. Исследовательские работы.

– Надо же, – улыбнулся он, – у вас такой восторг в глазах. Интересно...

– Пожалуй, мне пора, – аккуратно поставила я бокал на столик.

– Кстати говоря, вы не спросили о самом главном.

– О чем же?

– Где брать деньги на хозяйство.

Не знаю, как бы меня разместили, будь я гостьей милорда – до гостевых спален мы не добрались вчера, – но и меня, экономку, разместили роскошно. Две небольшие, но уютные комнатки. Одна – проходная – выполняла роль гостиной, другая была спальней. К ней примыкали ванная комната и гардеробная. Мда... Я со своими несколькими платьями робко заняла краешек. Подумала. И гордо водрузила на одну из полок волшебный саквояж.

Спала я плохо, каждый час просыпаясь и поглядывая на часы. Все боялась проспать и не явиться на кухню в шесть утра. Надо же было проверить, собирается ли милейшая Каталина выполнить мое распоряжение или нет.

И все равно звонок будильника стал для меня неожиданностью. Я поднялась, умылась – удобства в доме с канализацией и водопроводом несказанно радовали. Нацепила сбрую – по-другому именовать местное нижнее белье у меня не получалось. Несильно зашнуровала корсет – он был достаточно мягкий, и шнуровка находилась спереди, – натянула чулки. Тяжело вздохнула, надевая панталоны – с кружавчиками, по колено. Платье-ночнушку очередного светлого цвета. С рукавчиками-фонариками. Фух, аж запыхалась.

Что забыла? Ах да. Волосы... Волосы приходилось на ночь завивать на специальные тряпочки – папильотки. Взбрызгиваем льняным отваром и закручиваем. А что делать – должна же я выглядеть как бе-е-едная овечка...

Посмотрела на себя в зеркало повнимательнее. Если забыть, насколько неудобна вся эта одежда, смотрелась я премило. Эдакая беззащитная, очаровательная и томная. Правильные черты лица, красивые губы. Серо-голубые глаза сверкают. Волосы нового янтарного оттенка радуют. Только платье подкачало. Или я в нем – не понять. Вздохнула. Ладно, хватит любоваться – все равно я дама не первой молодости, тридцать четыре все-таки... Так что вперед к свершениям.

Посмотрела на часы – обнаружила, что прособираюсь полчаса, значит, если мне на кухне надо появляться в шесть, минут в пятнадцать седьмого, встать надо на двадцать минут по-раньше.

– Доброе утро, Каталина, – бодро поприветствовала я повариху, что скривилась при моем появлении слишком уж демонстративно. – Что вы приготовили на завтрак милорду?

– Овсянку, – гордо отвечала она.

Я пожала плечами, открыла один из шкафов, куда еще с вечера сложила все, чтобы побыстрому напечь блинов. Осталось только достать молока из холодного – так назывался специальный шкаф, куда слуги складывали продукты, чтобы те не портились.

Больше всего я переживала за незнакомую сковородку – кто его знает, как себя поведет тесто, будет ли переворачиваться. Но все обошлось. Один румяный блинчик, потом второй...

Я мурлыкала под нос песенку, не обращая внимания на опешившую Каталину – у нее, видимо, случился разрыв шаблона. Я так поняла, что готовить дворянкам, за которую меня и принимали, – нельзя. Хотя, если я правильно поняла вчерашние рассуждения одного страдающего нестандартностью милорда, не так нельзя, как не принято. А статусу надо соответствовать.

Когда через двадцать минут подошла Оливия, чтобы нести еду – на стол она накрыла, – у меня уже все было готово. А холодное отварное мясо, ветчину и несколько сортов сыра к блинам я нарезала еще с вечера.

– Каталина, – обратилась я к поварихе. – Послушайте меня внимательно. Я не буду скандалить и кому-то что-то доказывать. Я вас уволю – и дело с концом.

– Милорду отказалось помогать агентство в поисках персонала. Еще летом, – злобно ответила она. – Меня и последнюю экономку он нашел по рекомендации графини Олмри. Так что я не думаю...

– При необходимости я договорюсь с агентством, можете мне поверить. И мне проще готовить самой, чем ждать каких-то проблем от вас.

– Не боитесь руки испортить?

– Нет, – улыбнулась я. – Вот чего-чего, а этого я не боюсь.

– А что на это ваш любовник скажет?

– У меня нет любовника, во-первых. И если бы люди занимались своими делами, а не лезли бы в чужие – всем было бы жить легче. Это во-вторых. Вы это уяснили?

– Да, госпожа Лиззард.

– Я расписала порядок завтраков для милорда. Там оладьи, блины, сырники, булочки и прочие вкусности. Кстати, от какой приправы он чихает?

– От гвоздики.

– Выбросьте ее всю.

Она независимо пожала плечами.

– Что на обед?

– Тыквенный суп-пюре, рыба под кисло-сладким...

– Стоп. Сладкие соусы вы больше не готовите.

– Он же лорд, – возмутилась Каталина. – Не какой-нибудь ремесленник или торговец. Ему положено...

– ...кушать то, что ему нравится. А наша с вами работа – это организовать. Соус к рыбе сделайте несладкий.

Построив кухарку, уточнив, что надо заказать в деревне, я обошла дом. «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои»^[2], – вспомнилось мне старое, доброе, школьное.

Все было в порядке. Все трудились на ниве феодализма – или что там у них, надо бы разобраться... Все во вверенном мне хозяйстве было в порядке. И я пошла в близлежащую деревню знакомиться с ее жителями.

Места действительно были потрясающей красоты и какой-то неожиданной умиротворенности. Пронизанная светом дубовая роща, в центре которой на пригорке находился дом. Листья чуть начинали менять окраску с зелени на медь. Неширокая ухоженная дорога, которая вела в мир: в деревню, примыкающие к ней здания академии и дальше – в столицу. Я спускалась с пригорка и уже видела деревенские дома – добротные, серого камня, с изгородями из высокого колючего кустарника багряного цвета, как меня окликнули:

– Госпожа! Я могу к вам обратиться?

Ко мне, сняв картуз, подходил мальчик лет девяти-десяти. Светленький, щупленький. Бедно, но чисто одетый.

– Добрый день, – ответила я ему. – Ты житель этой деревни?

– Да, госпожа. А вы из поместья?

– Совершенно верно. Я новая экономка милорда Верда. Меня зовут госпожа Лиззард.

– Я хотел просить вас о милости, госпожа...

– Слушаю тебя.

– Мне очень нужна работа. Прежняя экономка разрешала разбирать покупки, носить ее корзинку, когда она бывала на рынке. А еще она нанимала маму на поденную работу в доме. Вы можете у старосты спросить, я правду говорю.

– Так ты меня специально поджидал, чтобы предложить свои услуги?

Он склонил голову.

– Как тебя зовут?

– Вилли, госпожа.

– Хорошо, Вилли. Я согласна взять тебя на работу. Мне как раз нужен быстрый, ловкий и ответственный мальчик, который будет выполнять мои поручения.

Его лицо расплылось в такой искренней и счастливой улыбке, что мне стало неловко – я же просто наняла себе маленького помощника...

– Пойдем, Вилли, ты сегодня назначаешься моим проводником. Я тут человек новый. Мне надо знать, кто чем торгует, у кого что покупать. А кого нанимать в поместье для грандиозной уборки.

Мальчишка оказался смысленный и опытный. Кроме того, ехидный и точный в определениях. И очень наблюдательный. Я узнала, у кого свежее мясо, кто обвешивает, у кого стоит покупать цыплят, а у кого – нет. Кто как работает – это касалось женщин, которых время от времени нанимали в поместье. Он свел меня с молочницей. «Лучшее молоко, моя госпожа, клянусь всеми стихиями!» Я сразу и договорилась о ежедневных поставках в поместье.

Поймала себя на том, что иду, возвращаясь в поместье, и улыбаюсь. Все-таки все хорошо устроилось, а сегодня уже пятница – и я увижу мальчишек. Вилли шел чуть позади и тащил огромную корзинку с моими покупками. Вроде брала всего по чуть-чуть, а получилось, как всегда.

Когда мы подошли к дому, к специальному боковому входу для покупок и слуг, ко мне подбежала встревоженная Оливия:

– Госпожа Лиззард! Вас к себе милорд Верд требуют. Задержались даже после обеда. А вас все нет и нет.

– Где он? – спросила я, снимая шляпку.

– В кабинете. Только... еще перчатки снять положено.

Я кивнула, на ходу стаскивая неудобные узкие перчатки.

Что случилось?

Хорошее настроение, навеянное прогулкой и общением с неугомонным Вилли, исчезло, осталась только тревога.

– Оливия, там со мной молодой человек, Вилли. Последите, чтобы его покормили, – и пусть меня дождетя.

– Слушаюсь, госпожа Лиззард.

Она забрала у меня перчатки на пороге господского кабинета, в котором я еще не была. Я постучала.

– Да, – раздался недовольный голос милорда.

– Прошу прощения за то, что заставила вас ждать – меня не было в доме.

– Я так и понял. Вы были в деревне.

– Да, милорд Верд. Хотела спросить, я могу нанять мальчика для поручений?

– Это неугомонного Вилли? – неожиданно искренне улыбнулся он.

– Именно так.

– На здоровье. Назначьте ему содержание побольше – у него отца нет, он в семье единственный кормилец, как я понимаю.

И он замолчал, поглядывая на меня, словно и не зная, как изложить мне новости, ради которых он стал меня дожидаться.

– Что с сыновьями? – Сердце ухнуло куда-то, а затылок заледенел.

– Они не приедут сегодня домой.

– Что случилось?

– Может, вы присядете?

Я посмотрела на него зло. Увидев мой гнев, он как-то недоверчиво хмыкнул, не привык, наверное, чтобы на него так смотрели.

– На самом деле ничего страшного не произошло. И не произойдет. Просто у них сегодня на закате состоится дуэль – и после этого все участники, как вы понимаете, будут торжественно препровождены в карцер.

– Как дуэль? Как карцер? – уже бежала я.

– Куда вы? – раздался окрик мне в спину.

– Я забираю своих сыновей, и мы уезжаем, – отрезала я. – Немедленно.

– Никуда вы не поедете. И молодые люди останутся там, где они есть. – Лед в его голосе обжигал.

Я дернула дверь на себя. Она не открывалась.

– Прекратите истерику, сядьте и послушайте меня внимательно, – раздался приказ.

Поскольку я не собиралась его слушать, я упорно дергала ручку двери.

– Госпожа Лиззард! – новый окрик. – Прекратите сейчас же. Я почему-то считал вас спокойным уравновешенным человеком – только потому и предупредил. А вы... – Он взял меня за плечи, развернул к себе. – Да вы дрожите вся, – в голосе теперь слышалось удивление – и мне нестерпимо захотелось его чем-нибудь стукнуть. – Успокойтесь. Им ничего не грозит. Сядьте.

Милорд Верд усадил меня на стул и уставился темными-темными, практически черными глазами.

– Налить вам выпить?

Я покачала головой. Что еще ожидать от мужчины, когда тот хочет успокоить?

– Разве что нечто мутное и явно крепкое, что вы пили вчера, – вырвалось у меня.

– Что? – вот тут опешил он. – Вы претендуете на мой гномий самогон, который мне привозят лично и контрабандой?

Признавая поражение, я подняла руки вверх:

– Простите, нервы. Так что случилось?

Мне все-таки удалось удивить милорда Верда.

– Никогда не видел настолько упрямую женщину! – рычал милорд Верд в конце нашего разговора, но мне удалось главное: мне разрешили наблюдать за дуэлью.

Для себя я решила, что если почувствую хоть какую-то угрозу для Рэма или Пауля, то немедленно прекращу весь этот цирк, и мы, активировав артефакт перехода, просто-напросто исчезнем.

– Еще раз вам повторяю, ничего непредсказуемого или экстраординарного не происходит. Представьте себе, молодые люди всегда, во все времена, выясняли – кто первый, кто самый сильный... На мой взгляд, мастер Рэм и мастер Пауль поступили вполне достойно, соответственно ситуации. Им сказали о том, что они ублюдки из рода ублюдков, – и мастер Рэм немедленно кинул перчатку в лицо юному маркизу Борнмуту. Мастер Пауль тут же поддержал брата, заявив, что выступит в роли секунданта. Должен отметить, что я всецело на их стороне – они ведь с братом записаны как мои дальние родственники – следовательно, оскорбление нанесено и мне.

– Я вот чего не понимаю... Если администрация в курсе конфликта, если вы и остальные преподаватели все знаете, то почему?..

– Не остановим?

– Да. Ведь кто-нибудь может пострадать.

– Может, – согласился милорд. – Но если мы будем все время вмешиваться – как мы воспитаем молодых мужчин? Приученных отвечать за свои слова – а юный маркиз, безусловно, заслуживает трепки.

– А какой урок должны извлечь мои дети?

– Если хочешь, чтобы к тебе и к твоей семье относились с уважением и пиететом, надо быть сильным.

– Сильным, сильным, сильным... Вы заметили, что все время повторяете это слово? Может, надо быть умным и уметь избегать конфликтов?

– Ну, во-первых, сила ума не отменяет...

– В нашей местности любят говорить: «Сила есть – ума не надо», – проворчала я.

– Никогда не слышал, – удивленно посмотрел он на меня, и я прикусила язык – наша, кому русские народные поговорки цитировать!

– А во-вторых? – постаралась я отвлечь милорда Верда.

– Во-вторых, всегда надо уметь защитить то, что тебе дорого. К сожалению, наш мир не совершенен, и это может сделать только сильный. Причем я имею в виду не только силу тела. Но и силу духа. Кстати, вы умеете ездить верхом?

– Нет. – Я удивленно посмотрела на милорда Верда, не понимая, откуда такой переход с темы на тему.

– Экипаж будет весьма и весьма приметен. А мне бы не хотелось афишировать свой интерес и свое присутствие. Сударыня, нам придется пойти на серьезное нарушение приличий.

Честно говоря, я подумала, что он иронизирует. Посмотрела прямо ему в глаза: нет – серьезен. И прямо-таки огорчен мыслью об этикете. Что же мне придется сделать?

– Милорд, я всецело доверяюсь вам. – Постаралась, чтобы и мой тон не нарушал

патетичность момента.

– Мне придется посадить вас в седло перед собой.

– Хорошо, – кивнула я.

Мы договорились, что я буду его ждать за воротами поместья – там неподалеку от них среди дубов лежал огромный камень – практически кусок скалы, – заросший мхом. Вот около него мне и приказали быть в восемь вечера.

– Я возьму вас, если вы будете спокойны, – сказал мне напоследок милорд Верд. – Если я увижу хоть какие-то признаки истерики, нервного припадка и чего-нибудь дамского, я выдам вам нюхательные соли и оставлю дома.

Ну что на это скажешь? Я коротко поклонилась и вышла. На этот раз дверь сразу распахнулась.

До восьми вечера я всячески пыталась себя занять – чтобы действительно не скатиться в истерику. Терять самообладание сейчас было нельзя. Я взяла книгу расходов – и стала составлять списки покупок на следующую неделю. Потом сходила к Каталине и обсудила меню. От меня, наверное, шла такая энергетика, что ни подколок, ни возражений я не услышала. Запланировала генеральную уборку на понедельник, отправила Вилли сообщить поденщицам, что мы их ждем. Определилась, кто сколько получает в неделю. Подумала, как хорошо, что милорд Верд без моих просьб решил платить Вилли – очень хотелось помочь мальчику.

И хотя от выматывающего тиканья в голове я не избавилась, да это было бы и невозможно, в руках я себя держала.

Я прибежала к камню рано – сил ждать уже не было. Понарезала круги вокруг деревьев. Еще раз запретила себе думать о плохом. Напряженно застыла, вслушиваясь, когда же раздастся стук копыт.

– Вы забыли шляпку и перчатки, – поприветствовал меня милорд Верд, подъехавший со стороны, противоположной от дома. – Постарайтесь впредь так не делать.

– Хорошо. – Не говорить же ему, что головных уборов я даже нашей питерской зимой не ношу.

Он возвышался надо мной. Его конь нетерпеливо перебирал ногами, поглядывая с истинно аристократическим высокомерием на букашку в моем лице, что возникла на его пути.

– Не отправлю вас домой только лишь потому, что намерен накинуть на нас личину невидимости. Я думаю, вы согласитесь, что никому не стоит знать о том, что мы с вами ездили наблюдать за ходом дуэли.

Я лишь кивнула – говорить не хотелось. Да и боялась, что голос будет дрожать. Господи, как же я боялась! Милорд Верд изучающее меня разглядывал.

– Все-таки зря я все это затеял. Надо было попросту промолчать, – сказал он, как мне показалось, себе самому.

– Пожалуйста. Поедьте. Я обещаю не вмешиваться. Но оставить меня в поместье – это жестоко.

Тяжелый вздох. Потом слова:

– Подойдите ко мне. Слева. Это право. Слева – это с другой стороны. Хорошо. Вставайте на кончик сапога и протягивайте мне обе руки. Не бойтесь.

Ощущая себя неуклюжей собакой на заборе, я утрамбовалась перед ним. Мы тронулись. Шагом, потом быстрее. Высоко-то ка-а-ак!!!!

– Расслабьтесь, – послышалась команда. – Вы так нервничаете, что Гром тоже дергается.

Я побоялась сказать, что мне нестерпимо страшно, – понимала, что милорд попросту ссадит меня с коня и велит идти домой. Поэтому я выдохнула – и заставила себя расслабиться. По крайней мере, попыталась.

– Ваши сыновья держатся в седле намного лучше. – Теперь в голосе звучала явная насмешка.

– Они занимались, – пробормотала я.

– А вы – нет?

– Не думала, что мне это пригодится.

– Зато завтрак вы мне организовали просто изумительный, – теперь в голосе послышались бархатные нотки. – Свершилось то, о чем я так долго мечтал.

– Я вот все равно не пойму, милорд...

– Что именно, госпожа Лиззард?

– Вы же командовали солдатами. Армиями. Теперь учениками и преподавателями...

– И вас интересует, почему я позволил прислуге сесть мне на голову?

– Именно.

– Вам известно, что делают с солдатом или офицером, не выполнившим приказ?

– В военное или в мирное время? – не могла не уточнить я.

Надо мной раздался довольный хмык.

– Значит – известно... От гауптвахты – до казни... В зависимости от ситуации. Это там, где мне все понятно. А дома, я могу или гневаться – но повод нелепый, – или уволить всех... И тогда искать еще кого-то. Экономок, кстати, за год я сменил семерых.

– А что так?

– Все никак не мог объяснить, что обо мне нельзя сплетничать. Особенно с посторонними. И не надо сливать информацию обо мне в газеты. Тем более явно выдуманную. И не стоит устраиваться на работу, чтобы получить допуск в мой дом и попытаться пристроить свою девственную титулованную родственницу в мои жены...

– Серьезно? – рассмеялась я.

– Этим как раз пыталась заниматься предпоследняя экономка.

Я уже хохотала в голос.

– Вот вам смешно, а если бы у меня была хоть мало-мальски приличная репутация, эта история ее бы уничтожила.

– А я всегда считала, что вопросами репутации больше озабочены дамы.

– Не без этого, но, согласитесь, когда все тебя обсуждают и хмыкают у тебя за спиной – в лицо мне это делать никто не рискует... – приятного мало.

– Согласна... Противно.

– Хотя, если вспомнить о моем происхождении, я, наверное, должен был уже привыкнуть.

– Наверное, все равно хочется, чтобы люди оставили тебя в покое.

– Именно так.

– А что с вашей последней экономкой? Та, которая собрала вещи в тот день, когда мы познакомились?

– Сдала информацию в газеты о... подробностях моей личной жизни.

Я так поняла, что его лирические отношения с некой графиней стали достоянием

народа...

– А кто был до этих двух? Последних.

– Летом... Девочка, молоденькая совсем. Из всех самая приличная была. Забыл ее имя.

Вера? Ника... Вероника ее звали.

– Как? – Собственное имя резануло сердце плохим предчувствием.

– Стойте, вас что, зовут так же? – удивился он. – А я сперва и не обратил внимания.

Я хмыкнула тихонько, отмечая замечательное свойство милорда – крайнее невнимание к окружающим его людям.

– Есть такое, – словно прочитав мои мысли, пророкотал вельможа. – Я плохо запоминаю все, что не относится к службе. Вот военные операции. Или обучение кадетов...

– Или дороги, которые находятся под вашим личным контролем, – вставила я.

– И дороги тоже... – в голосе за спиной послышалась усмешка. – А все мелочи вокруг...

Я запоминаю плохо.

– Так что случилось с вашей летней эконожкой? – спросила я. – Той, что была самой приличной?

– Да... Я же о ней заговорил. Госпожа Вероника попросту исчезла – ушла, не сказав никому ничего. Правда, я накануне разгневался на нее... Думаю, она испугалась этого и ушла.

– Вы настолько страшны в гневе?

– Да, – отрезал он холодно. И я поняла, что тема и серьезная, и ему лично очень-очень неприятная.

– Простите, – сочла за благо сказать я, про себя подумав, что надо бы выяснить причину его гнева, чтобы не оказаться в подобной ситуации.

– Ничего. Мы, кстати, уже прибыли.

Разговор заставил забыть меня о способе передвижения и о собственном страхе.

– Так. Давайте мне руки – скрепите их над головой, – я вас ссажу. Так же в обратном порядке. Вот так, хорошо.

Я почувствовала под ногами твердую землю – и обрадовалась. Потом поняла, как сильно болит пятая точка. С трудом удержала от того, чтобы со стоном облегчения не растереть ее, плюнув на приличия и присутствие вельможи.

Прошла вперед. Так! Идти ровно! Обнаружила большую поляну в окружении деревьев – за ней были величественные башни серого замка. Академия. Вблизи она смотрелась совсем по-другому.

Милорд уже спешил. И, кивнув, проговорил:

– На этой поляне кадеты решают вопросы чести. Так... теперь пора и мне становиться невидимым. И Грома замаскировать.

Несколько пассов руками – и вороного красавца коня не видно. Потом исчезает и милорд Верд.

Мне кажется, что время течет медленно-медленно, каждая минута застывает, чтобы посмотреть на то, насколько близко я подойду к сумасшествию.

– Тише. – Теплые мужские руки обняли меня за плечи. Я не видела милорда Верда, но чувствовала его за спиной. – Не дрожите. Честью клянусь, с вашими сыновьями ничего не случится. Кто-то кого-то поцарапает – и все. Они же сражаются до первой крови. Потом мы с вами вернемся домой. Я налью вам своего гномьего самогона. Пол чайной ложечки на стакан... Мы поужинаем. Или вы ели уже? Нет? Что-то эти бездельники задерживаются.

Может, решили отменить все?

Сначала мы услышали радостный гомон мальчишеских голосов. Потом увидели целую толпу.

– Двадцать два человека – вся группа, – довольно сказал мне на ухо милорд.

– Давайте начинать, господа! – сказал парень постарше.

– И графа Трuebasриджа с последнего курса, с десятого, притащили, поганцы, чтобы он дуэлью руководил. Все по правилам. Молодцы!

– Молодцы?! – зарычала я.

– Тише! – Милорд Верд прижал меня к себе. – Тише.

А тем временем молодой человек, которого милорд назвал графом Трuebasриджем, руководил процессом. Послушал отказ противников примириться, дал команду.

И вот уже противники стоят друг напротив друга, обнажив шпаги: сосредоточенный Рэм и мальчишка с изумительно презрительной физиономией.

– Начали! – раздается команда.

Звенят шпаги. Рэм словно сливается с оружием – мальчишка напротив ничем ему не уступает. И я вдруг понимаю, что их дуэль похожа на танец: опасный, смертельный, но удивительно красивый.

В какой-то момент Рэм выстилается по земле, выбрасывает руку вперед – стон его противника, кровь на бедре – и крик графа Трuebasриджа:

– Остановитесь! Кровь. Проигравший – маркиз Борнмут. Победитель – мастер Рэм Рэ. На этом позвольте объявить дуэль оконченной.

– Нет, – расталкивает гомонящих кадетов какой-то еще недовольный. – Я – секундант маркиза, барон Кромер, требую удовлетворения. Пусть секундант мастера Рэ сразится со мной.

– Правила этого не запрещают, – недовольно соглашается с ним граф Трuebasридж. – Что вы скажете, мастер Пауль Рэ?

– Я согласен. – Бледный Пашка достает шпагу, встает в спортивную стойку, несколько раз прыгает вперед, потом назад. – Готов.

– Начали! – снова командует старшекурсник.

А дальше все происходит настолько быстро, что я не успеваю заметить, что именно делает мой сын.

Какое-то неуловимое, на бешеной скорости движение вперед. Пашка летит навстречу чужой шпаге. Я кричу, но моего голоса не слышно, потому что ахнули все. В последний момент сын изворачивается, меняет траекторию движения, перетекает чуть в сторону – и все понимают, что он невредим, а свою шпагу он вонзил над ключицей соперника.

– Остановись! – орет старшекурсник. – Шпагу не вытаскивай! Барон кровью истечет. Ты ему артерию пробил! Целителя!

Я понимаю, что у меня за спиной никого нет. Милорд Верд уже появился на поляне и склонился над раненым. А я не могу пошевелиться. Видимо, как ректор академии ни спешил на помощь пострадавшему, кинуть на меня заклинание, чтобы обездвижить, он все-таки успел.

Ночь. Темнота. Если бы меня не обездвигили, я наверняка стучала бы зубами. От холода. А так... Поскольку я была в роли статуи, то даже такого сомнительного удовольствия я была лишена.

В голову лезли всякие мысли о том, что меня тут попросту забыли. Умом я понимала, что это бред, да и пофыркивание коня где-то за спиной подтверждало, что милорд Верд вернется на поляну. Но все равно было жутко.

И чем больше я прислушивалась – тем больше мне казалось, что сейчас на меня выпрыгнет из кустов кто-нибудь плотоядный. Поэтому когда Гром явно оживился, забил копытами и призывно заржал – ужас охватил меня. Не кричала я лишь потому, что не могла – милорд не только обездвигил меня, но и лишил голоса.

И вдруг я почувствовала, что тело может двигаться. Ноги подогнулись, и я упала на колени. Слезы выступили на глазах, я зашипела, стараясь не ругаться в голос. Сейчас перейти на русский – великий, могучий и беспощадный – было бы глупо. Поэтому я рычала и шипела, пережидая боль.

– Простите, – раздался рядом со мной голос милорда. Удивилась, услышав в нем нотки раскаяния. – Я задержался. Пока двадцать три человека посадишь под арест... Вы можете встать?

Я поняла, что сейчас милорд Верд просто дернет меня вверх, пытаясь помочь. И что ни к чему хорошему это не приведет.

– Не надо, – прохрипела я.

Он тяжело вздохнул, опустился рядом со мной на колени, положил мне руки на плечи, забормотал на мелодичном непонятном языке. Я его слышала много лет назад, именно этот язык, когда над Пашей и надо мной проговаривала что-то мама Рэма.

Боль, оскалившись напоследок, ушла.

– Поднимайтесь, – раздался приказ, и милорд протянул мне руку. – Надо вас закутать – вы вся ледяная. Почему вы не догадались взять из дома теплую одежду?

– У меня ее нет, – лягнула я зубами, поднимаясь с земли и распрямляясь.

– Хорошо, что у меня есть. – Мне послышалась в его голосе насмешливая улыбка, и он закутал меня во что-то длинное и теплое. – Я взял свой плащ из академии.

Потом милорд Верд подхватил меня на руки, подошел к коню и легко закинул мое бедное тело боком на седло. О-хо-хо! Как же я завтра ходить-то буду? Не говоря о том, чтобы сидеть? Как они вообще умудряются после езды верхом с отбитым мягким местом договариваться?

Милорд Верд между тем вскочил в седло сам, придерживая меня одной рукой. И так ловко у него получалось – загляденье!

Застоявшийся конь резво взял с места бодрой рысью.

– Будет впредь вам наука оставлять мужские дела – мужчинам, – прошептал мне на ухо милорд.

– Так я ни о чем не жалею. И ни на что не жалуюсь, – отвечала я, стараясь не заикливаться на своих неприятных ощущениях.

– И уже можете говорить.

Какое-то время мы молчали. Я пригрелась, и у меня стали закрываться глаза – и это

несмотря на неудобную позу. Мне пришлось изо всех сил бороться с дремотой. Еще не хватало романтично заснуть у мужчины на руках. Я представила, как мы подъезжаем к порогу, как милорд снимает меня с седла... И все это на глазах у прислуги... Представила лица... Нет... Не стоит.

– Вы можете оставить меня у того камня, где забирали? – обратилась я к милорду.

– Хотите вернуться домой одна? Не хотите сплетен?

– Не хочу, – согласилась я. – Лучше будет, если мы вернемся домой по отдельности.

Сначала вы – с парадного крыльца, как положено. А потом тихонько проберусь и я.

– Согласен. Только я сначала прослежу, как доберетесь вы. А потом появлюсь – минут через двадцать. Я, во всяком случае, теплее одет.

Наверное, это было нервное, но я захихикала.

– Что с вами?

– Простите, милорд, но все это... так нелепо.

– Слухи, порочащие репутацию, вы называете нелепостью?

– Именно так. И всегда не понимала: зачем это кому-то надо... Ну, занимайся своей жизнью и не лезь в чужую... И все будет гораздо спокойнее и приятнее.

– Возможно, – проворчал он. – Но не в нашем мире.

«И даже не в моем», – хотела сказать я, но вовремя прикусила язык.

– Как Рэм и Пауль?

– Рэм – хорошо. С чувством выполненного долга. Пауль же... В смятении. Я у него поинтересовался еще, была ли у него задача убить юного барона. Ваш сын ответил, что нет. Тогда я задал вопрос, почему он таким образом выстроил поединок? Не прощупывая противника, не интересуясь его стилем ведения боя, так рискованно... Один удар – и смертельный...

– Они в карцере заперты поодиночке?

– Естественно.

– Бедный мальчик. Он с ума сойдет от переживаний...

– Оставьте эти... стенания. Он – мужчина. И должен понимать, что делает. К тому же ему некогда переживать. У него задание – подготовить доклад по кровеносной системе. Вены, артерии. Куда бить, чтобы противник истек кровью практически мгновенно. Куда бить, чтобы не дать подняться, но не убить. Куда бить, чтобы напугать – не больше. Куда и как бить, если речь идет о дуэли до первой крови. Книги ему доставят.

Я задумалась. Паша ведь занимался спортивным фехтованием на рапирах. Они же в защите – в кевларовых куртках. Да и на острие шпаги надет специальный наконечник. Ударить надо быстро – в любую часть туловища – «кроме затылка», – так им, кажется, говорили. Вот он и сделал то, чему его учили... Где открылся юный барон – туда и ударил. А про отсутствие защиты просто забыл с перепугу...

– Прибыли, – отвлек меня от рассуждений голос милорда. Меня спустили с коня.

– Спасибо вам, – проговорила я и стала снимать с себя плащ.

– Что вы делаете? – раздраженно пророкотал мужчина.

– Мы же явились домой не вместе и с разных сторон, – холодно-то как! – следовательно, мне весьма проблематично будет объяснить, почему я пришла в вашем плаще. Держите.

[Купить полную версию книги](#)

Т. Шаов.

Н. А. Некрасов.